

πρῶτος σινωδικός

ἡς ἁγίας Σίερας μάχης
σινωδου, τῆς ἐνομοματι
κὺς θῶς, ὁ σὺς ἡμῶν ἰὺ χυ
σινωδεις ἐκ τῶν μαῶ τῆς ὑ
περῆας δεποιμης ἡμῶν
ὁ παμπα καρίτου ἀει παρθε
ρου μαρίας, τῆς ἐπρωμας
μέρης παρμυθίας, ἐκ τῶ
γαπτιμου πόλει, ἐν ἡμέρας
ὁ σινωδεις ὁ θεο γέπτοιμ
βασιλέως μοσκόβδσ, ὁ αὐτο
κρατοερς πάσης ρωσσί ὁ θεο
δῶερυ ἰκῶ ἀμμου, περκαθε
μέρω κὺς ἡ ἀγίω ταπτω φθο
δόζωμ περ ἀρχῶν, τοῦ τε πα
μαρίω ταπτου ἱερεμίου, ἀρχιε
πῆς κόπου κωμ γαπτιμου πόλε
με ρῶμεις ἰκ οἴκου μερικού

из синодалной

Успенский собор в Московском Кремле, в котором покоятся мощи святителя Иова, первого русского Патриарха.

Фотография нач. XX в.

Ювъ.

Первый Патриарх Московский и всея Руси

Миренный жець, бжїїю млтїю па
 тїрїархъ московскїи, русея рш
 сїн: —

Святитель Иов, первый Патриарх Русской Церкви
 Внизу автограф Патриарха Иова

*Игумен ФЕОФИЛАКТ (Моисеев),
преподаватель Московской
Духовной Академии*

СВЯТИТЕЛЬ ИОВ — ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПАТРИАРХ (К 400-летию УЧРЕЖДЕНИЯ ПАТРИАРШЕСТВА)

1589—1989

*«Вот смотри, государь, как
хорошо за правду стоять!
И по смерти — слава!»*

Русская Православная Церковь отметила выдающуюся историческую дату — 1000-летие Крещения Руси. На пути к празднованию этого памятного события церковное сознание каждого православного человека все интенсивнее обращалось к опыту, пройденному нашей Церковью за десять веков. Путь этот озаглавлен многочисленными благодатными свершениями в сфере духовного устройства русского народа. Отечественная история насыщена яркими событиями, образами и примерами, раскрывающими поистине нетленную значимость духовного подвига.

В тысячелетней истории Русской Церкви особое, фундаментальное место занимает период, сопряженный с установлением Патриаршества, 400-летие со времени учреждения которого отмечается в 1989 г. Начало патриаршего образа правления церковными делами непосредственно взаимосвязано с именем выдающегося русского Первоиерарха Святейшего Патриарха Иова, жизненный путь и первосвятительское служение которого стали предметом исследования и изложения в предлагаемой работе. Нет необходимости обосновывать степень значимости личности Патриарха Иова в русской церковной истории; для церковного человека это своего рода аксиома. Значительно принципиальнее в данном случае основанное на доступных исторических источниках, опубликованных и неопубликованных, наиболее полное раскрытие образа Святейшего Патриарха Иова как личности творчески одаренной, преемника и продолжателя апостольского служения Церкви, впитавшего благодатный опыт предшественников-иерархов и откристализовавшего свой спасительный путь в подвиге молитвы и исповедничества за Русскую землю.

На протяжении нескольких столетий верующий народ хранит и передает от поколения к поколению благодарную память о святителе-патриоте. Выражая единство с церковным сознанием, считаем приятным долгом в доступной форме обобщить основные черты подвига этого русского Первоиерарха.

1. ПУТЬ К ПАТРИАРШЕСТВУ

Время рождения Святейшего Патриарха Иова условно можно отнести ко второй четверти XVI столетия, и определяется оно посредством косвенных письменных данных. К сожалению, на современном этапе церковноисторической науки более точные сведения, касающиеся рождения и происхождения русского Первоиерарха, не обнаружены. Возможно, что эта страница его биографии так и останется неизвестной. В духовной грамоте¹ Патриарха Иова, основном автобиографическом источнике о его жизни, повествуется: «...Постиже мя старость, впадох в частья, различныя телесныя болезни, имже и ныне содержим есмь»². Учитывая время составления документа (1597), это сообщение преклонного годами Святителя и может служить отправной точкой в определении времени его рождения. Другими источниками, содержащими известия о раннем периоде его жизни, являются агиографические памятники³, время создания которых определяется серединой XVII в. Суммируя и систематизируя изложенные в названных источниках сведения, последовательно воссоздаем жизненный путь первого русского Патриарха.

Святейший Патриарх Иов (в миру Иоанн) родился в одном из древнейших русских горо-

дов — Старице⁴ и уже в самом раннем возрасте был обучен грамоте настоятелем Успенского Старицкого монастыря⁵ архимандритом Германом. По-видимому, годы обучения в монастыре произвели на благочестивого юношу глубочайшее впечатление, а главное — личность старца Германа, о котором он на протяжении всей своей жизни сохранял благоговейную память и духовное общение с которым не прервалось и после блаженной кончины святителя Германа. Родителями Иоанна были простые посадские люди, о благочестии которых достаточно убедительно свидетельствуют глубокая религиозность и любовь к Церкви Божией, проявившиеся в их сыне уже в юном возрасте⁶.

Обучение в монастыре содержало в себе чтение по церковным книгам, переписывание текстов Священных книг, клиросное пение, изучение молитв. Любовь к чтению книг и незаурядная память содействовали тому, что отрок знал наизусть не только обычные молитвы, но и тексты Священного Писания⁷. Несомненно, монастырское воспитание родило в сердце отрока Иоанна и первое желание служения Богу в иноческом образе. С годами эта мысль окрепла и преобразовалась в зрелое намерение принять монашеский постриг в Успенской обители. Об искренности и глубине этого настроения свидетельствует знаменательный факт, запечатленный в жизнеописании. По окончании обучения в монастыре отец Иоанна видел дальнейший жизненный путь сына в супружеском союзе. Все было готово к бракосочетанию. Однако в один из воскресных дней, когда должно было совершаться венчание, Иоанн, совершенно не чувствуя расположения к брачной жизни, просил разрешения у отца посетить монастырь для совета с духовным старцем. В обители, после Божественной литургии и молебна, он обратился к архимандриту Герману с горячей просьбой о пострижении в монашество. Просьба была исполнена⁸. В «Истории о первом Патриархе Иове» так передается это событие: «Иоанн изволи мира сего суетного отлучитися и восприяти святыи ангельский образ... и наречен бысть во иноцех Иов»⁹. Так начался новый этап в духовной жизни будущего Предстоятеля Русской Церкви.

Пострижение в монашество было совершено около 1553 г. Иноческие труды будущего Патриарха в Старицкой обители продолжались более 15 лет; сначала в послушании старцу-настоятелю архимандриту Герману, затем в числе братии монастыря и впоследствии в качестве настоятеля¹⁰. В эти годы созрела и формировалась духовно-нравственная личность Святителя Иова; здесь он воспитывал в себе основные монашеские качества — бескорыстие и нестяжательность, которыми в дальнейшем пользовался для благоустройства церковного; здесь же он проходил великую школу послушания и воздержания, о которых с благодарностью и уважением вспоминали его современники и последователи, называя его мужем известным в молитвах и чистоте жития, удивляясь его постническому образу жизни¹¹.

Особенные достоинства Святителя нетрудно представить, знакомясь с документальной его характеристикой. О нем, в частности, пишется, что благодаря феноменальной памяти Патриарх Иов прекрасно знал церковный Устав, читал наизусть некоторые длинные и редко употребляемые в Церкви молитвы, например, читающиеся на вечерне в День Святой Троицы, при освещении воды в навечерие Богоявления и в праздник Происхождения Честных Древ Креста Господня (1 августа), текст литургии Святителя Василия Великого. Отличался он также и другими редкими качествами. По свидетельству жизнеописателя, это превосходство выражалось достаточно очевидно: «...Не обретется человек, подобен ему ни образом, ни нравом, ни гласом, ни чином, ни похождением, ни вопросом, ни ответом»¹². И далее поясняет: «Дарование Божие бысть ему паче же прочих человек»¹³. Однако старицкий инок не превозносился; напротив, он в продолжение всей жизни хранил милосердие и любовь к братии и ближним, никого никогда не обличал и не оскорблял, всех миловал и просал¹⁴.

В 1556 г. Старица, принадлежавшая удельному князю Владимиру Андреевичу (1533—1569), перешла к его двоюродному брату — царю Иоанну Васильевичу Грозному (1547—1584)¹⁵. Во время своих приездов в Старицу Иоанн IV посещал и Успенский монастырь, где, по-видимому, и состоялась его встреча с монахом Иовом, образ жизни которого, характер и ученость привлекли внимание царя. В знак особого внимания и расположения к смиренному инокю он содействовал иерархическому возвышению Иова, и уже вскоре ему было поручено возглавление Успенского монастыря в качестве настоятеля¹⁶. Это новое послушание подвигло архимандрита Иова на более трудное и жертвенное служение Церкви и родной обители. Как и прежде, он продолжал хранить евангельский образ доброго пастыря, благоустраивал обитель, улучшал формы церковного благочиния, словом и жизнью воодушевлял братию к духовно-нравственному восхождению. Здесь, в Старице, создавалось и упрочивалось церковное видение и мировоззрение будущего Предстоятеля Русской Церкви, формировался и оснащался опытом талант незаурядного церковного деятеля и пастыря, одухотворенного жертвенной любовью к Церкви и Отечеству.

Наступил 1571 год, а вместе с ним и новый, знаменательный период в жизни архимандрита Иова. В этом году он был переведен в Москву и назначен настоятелем Симонова монастыря¹⁷, одного из древнейших в столице. То была высокая честь для старицкого архимандрита. Ведь Симонов ставропигиальный монастырь¹⁸, основанный племянником Преподобного Сергия Радонежского, святителем Ростовским Феодором в 1370 г., хранил добрую и почетную тради-

цию духовного окормления московского великокняжеского, а впоследствии государева, двора. Еще благоверный князь Димитрий Иоаннович Донской († 1389) впервые избрал своим духовником игумена Феодора. Кроме того, привилегированное положение обители создавалось в результате непосредственного подчинения ее Константинопольскому Патриарху, а впоследствии — Московскому Митрополиту¹⁹.

С присущим ему усердием архимандрит Иов приступил к устройению монастырских дел. Церковный авторитет его возрастал постепенно, но весьма твердо, чему в значительной мере способствовало и покровительство царя, ближе и лучше знавшего симоновского настоятеля. Особое расположение Иоанна IV к архимандриту Иову выразилось и в том, что неоднократно он брал его с собою, в числе других сопровождавших лиц, во время длительных отъездов из Москвы в начале 70-х гг.²⁰. Редкие нравственные качества во многом определяли складывавшиеся взаимоотношения с правителем государства и церковным священноначалием, внимание и воздействие которого также ощущал на себе архимандрит Иов. Столичное положение некоторых наиболее известных московских монастырей позволяло их настоятелям принимать деятельное участие в делах и событиях всей Русской Церкви, а нередко и государства. К числу таковых принадлежал и Симонов монастырь. Так, например, имя настоятеля Симонова монастыря встречается в числе участников Собора, созванного в Москве в 1572 г. в связи с избранием на Московскую кафедру, после кончины Митрополита Кирилла, нового Предстоятеля — Митрополита Антония²¹. Аналогичное участие архимандрит Иов принимал и в других церковно-государственных делах.

В 1575 г. последовало новое перемещение, связанное с возведением в епископский сан новоспасского архимандрита Вассана II и определением его на Казанскую кафедру. Архимандрит Иов был назначен настоятелем Новоспасского монастыря²², так же, как и Симонов, известного в церковной истории духовной близостью к великокняжеским семьям. В дни памяти своих родителей русские цари посещали монастырь, где служились панихиды; обитель нередко снабжалась щедрыми пожертвованиями. Настоятели этого монастыря традиционно занимали почетное место среди других клириков на церковных Соборах.

Имя архимандрита Иова встречается в числе участников Собора 1580 г., созванного в Москве для решения актуальной проблемы о монастырских вотчинах²³. Это еще одно свидетельство, характеризующее ответственную духовную миссию новоспасского настоятеля. В течение шести лет он возглавлял древнюю московскую обитель, возрастающая духовно, постигая опыт церковного служения и монашеского устройства, сочетая деятельное участие в церковно-государственных делах, что закономерно вызывало к нему доверие и уважение как государя, так и священноначалия Русской Церкви.

16 апреля 1581 г. архимандрит Иов был рукоположен Всероссийским Митрополитом Дионисием и собором русских архиереев во епископа Коломенского. «Повелением блаженной памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца, избран и поставлен бых рукоположением Преосвященного Дионисия, Митрополита всея Руси, и прочими архиепископы и епископы и освященным собором возведен на престол на Коломенскую епископию к Пречистой Богородице, честнаго и славнаго Ея Успения», — сообщает об этом акте Патриарх Иов в духовной грамоте²⁴. Как видим из содержания текста, и здесь благоволение правителя государства подтверждается его активным участием в возведении настоятеля Новоспасского монастыря на епископскую кафедру.

Это давнее уважение к Преосвященному Иову «наследовал» и преемник Иоанна Грозного († 1584) — его сын Феодор Иоаннович. Подобно своему отцу, Феодор Иоаннович питал к епископу Иову искреннюю привязанность и дружелюбие, почитая в нем духовного отца и наставника. Как и прежде, Святитель Иов принимал деятельное участие в важных церковно-государственных делах. Так, например, он присутствовал на Соборе, состоявшемся в сентябре 1585 г. в Москве²⁵. В целом правление Феодора Иоанновича было весьма памятным для жизни и деятельности Преосвященного Иова. Именно в этот период произошли наиболее знаменательные перемены в его святительском служении. 9 января 1586 г. Святитель Иов был вновь перемещен, по благословению Митрополита Дионисия, на древнюю Ростовскую кафедру с возведением в сан архиепископа²⁶. Непродолжительным оказалось его пребывание на Ростовской земле.

Сам Святитель пишет: «И бывшу ми на престоле Ростовская архиепископия год без единого месяца, и по том неизреченным Промыслом превысокого Божия человеколюбия, и повелением блаженной памяти великаго государя царя и великаго князя Феодора Иоанновича, всея Руси самодержца, избран и понужен бых от него государя аз, смиренный, на великую Митрополию царствующаго града Москвы»²⁷. Произошло это событие 11 декабря 1587 г., когда собором епископата Русской Церкви архиепископ Ростовский Иов был поставлен Митрополитом и Первосвятителем на Московскую кафедру, «в великую соборную и апостольскую церковь Пречистия Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успения, и великих Чудотворцев Московских и всея Руси Петра, Алексия и Ионы»²⁸. Но смиренному Святителю предстояло воспринять и высшее иерархическое достоинство Русской Церкви, сообразное ее действительному значению в христианском мире.

Сверху вниз: **Симонов монастырь** в Москве (фотоснимок нач. XX в.); **Ново-Спасский монастырь** в Москве (гравюра XVIII в.); **Архиерейский дом** в кремле Ростова Великого — месте архиепископского служения свяителя Иова (гравюра XIX в.). В этих монастырях, в хронологической последовательности, был настоятелем свяитель **Иов**

2. ИЗБРАНИЕ И ИТРОНИЗАЦИЯ

Русская Церковь на исходе своего 600-летнего исторического бытия продолжала оставаться Митрополией и все еще сохраняла зависимость от Греческой Церкви. Однако положение православных Патриархов на Востоке, находившихся под властью магометан, к XVI в. было настолько бесправным и бедственным, что они вынуждены были обращаться за милостыней к процветавшей Русской Церкви²⁹. Это вносило дисгармонию в церковную иерархию православного мира. Кроме того, Русская Церковь была тем единственным оплотом Православия, который реально мог противостоять проискам папизма, ставшим особенно изощренными на Востоке в XVI в.³⁰ Таким образом, Промысл Божий направлял исторические пути России к неизбежному учреждению в ней Патриаршества.

Мысль о патриаршем образе церковного управления была выражена царем Феодором Иоанновичем в разговоре с Антиохийским Патриархом Иоакимом, прибывшим в Москву за милостыней в 1586 г. Патриарх Иоаким положительно воспринял это сообщение и обещал посоветоваться с другими патриархами³¹. Через год в Москве пребывал некто «гречанин Миколай», который подтвердил, что дело об установлении Патриаршества на Руси готовится к обсуждению между Цареградским, Антиохийским, Иерусалимским и Александрийским патриархами³². Осуществление этого мероприятия было ускорено следующими обстоятельствами. В Константинополе при содействии султана был низвержен Патриарх Феопит и возведен на престол Иеремия II, освобожденный из заточения. Ужаснувшись бедственному и беззвучному положению до основания разграбленной Церкви, Патриарх был вынужден обратиться за помощью в Москву³³.

Повествуя о возведении Митрополита Иова в сан Патриарха, следует отметить, что все факты, связанные с приездом Патриарха Иеремии в Москву, переговоры Бориса Годунова с ним, процедура наречения и посвящения русского Патриарха интерпретируются как церковными, так и светскими историками неоднозначно: одни усматривали в этих фактах некорректное поведение русского правительства, диктовавшего будто бы свои требования восточным церковным иерархам³⁴; другие, напротив, не находили в них ничего, что не отвечало бы церковным канонам или не соответствовало границам гражданских законов³⁵.

Основной источник, на который опираются исследователи первого типа, — это воспоминания митрополита Монеувасийского Иерофея, спутника Патриарха Иеремии. В них автор с неодобрением и предвзятостью пишет о нравах, порядках и обычаях современной ему России. Но если внимательней вчитаться в мемуары греческого митрополита, то нетрудно заметить, что он смотрел на всю ситуацию сквозь призму своего раздражительного отношения к самому вселенскому Патриарху. Вот, к примеру, образчик рассуждений митрополита Иерофея: «Патриарх со всех сторон был окружен подозрительными людьми, которые повсюду следили за ним по пятам, умели искусно льстить ему, выпытывали его мнения и, что выслушивали, все передавали потом драгоманам, а те доносили государю; Патриарх так был увлечен этими лицами, что неосторожно высказывал им свои думы и планы; он имел такую привычку, что не слушал ничего доброго совета, даже от преданных ему лиц»³⁶. Из этого отрывка видно, что воспоминания митрополита Иерофея не беспристрастны, в большей своей части — эмоциональны и личностны, далеки от объективности, а потому не могут быть определяющими в оценке событий.

Еще одно обстоятельство, требующее пояснения. Тот факт, что и Антиохийскому Патриарху Иоакиму и Константинопольскому Иеремии со всей его свитой во время их приезда в Россию преподносились подарки, причем настолько щедрые (огромное количество золота и серебра в изделиях и церковной утвари, иконы, деньги, меха и многое другое), что обычными подарками их даже трудно назвать, послужил поводом тем же историкам-скептикам предполагать, что Москва за подарки приобрела Патриаршество (?!). Это искусственное утверждение имело бы под собой почву, если бы дары русского правительства Восточным Церквам имели место только в тот период истории. Однако основанная на документах двухтомная книга А. Н. Муравьева «Сношения России с Востоком по делам церковным», к которой мы неоднократно обращаемся в работе как к авторитетному источнику, полностью развивает упоминаемую гипотезу, имеющую под собой весьма зыбкую почву: помощь обнищавшим восточным патриархам, во-первых, никогда не имела личного адресата, но предназначалась той или иной патриаршей кафедре и народу в целом; во-вторых, пожертвования Русской Церкви и государева двора не носили единовременный характер, они были беспрерывны — как до утверждения Патриаршества в России, так и после него — и выражали акт христианского милосердия, а не своекорыстия. Строго фактологическая основа излагаемого материала позволяет исключить тенденциозность и наиболее объективно передать сущность одного из важнейших в истории Русской Церкви событий.

Летом 1588 г. в Москву, где первенствующую кафедру уже в течение полугода возглавлял Митрополит Иов, прибыл Патриарх Иеремия. Еще до его прибытия в столицу приставу Семену Пушечникову было приказано во время сопровождения высокого гостя из Смоленска в Москву непременно узнать причины, побудившие Иеремию совершить столь дальний путь на Русь, и, самое главное, не привез ли он грамоты от других патриархов, утверждающей Патриаршество

в России³⁷. Тот факт, что желаемой грамоты у Иеремии не было, послужил поводом к некоторому недоверию к цареградской делегации со стороны Московского царя и его окружения³⁸. Впрочем, внешне это недоверие никаким образом не проявлялось, напротив, встреча, прием, почести, подарки как самому Патриарху, так и его многочисленной свите были на самом высоком уровне³⁹.

На следующий день после приезда константинопольской делегации в Москву Митрополит Иов направил своих представителей к Патриарху. В составе их были: архимандрит Чудова монастыря Феодосий, протопоп кафедрального собора Евфимий и митрополитичий дьяк Тимофей Петров. Патриарх встретил пришедших, прочитав по-гречески «Достойно есть», и всех благословил. В ответ посланники Митрополита приветствовали его следующими словами: «Пресвятый Иисус Христос, великий Патриарх Иеремей! Великого государя, Боговечанного царя и великого князя Феодора Иоанновича, всея России самодержца, отец и богомолец, великий господин, Пресвященный Иов, Митрополит всея Великия России, у тебя благословение просит и свое благословение к тебе послал о Христе радоватися, и велел тебя о здравии вопросити, как тебя Всесильный Господь Бог сохраняет, и шестие твое путное здорово ли?» Затем посланники передали сожаления Митрополита Иова в связи с гонениями на Восточные Церкви и пожелания, чтобы Господь «всё на первобытное обратил и всему православному христианству устроил полезная»⁴⁰. Патриарх благодарил за оказанное ему внимание и, благословив представителей Русской Церкви, направил с ними Митрополиту Иову свой ответ⁴¹. Русской стороной были приняты действительные меры: по городам России разосланы грамоты архиепископам, епископам, архимандритам и игуменам с наказом прибыть в Москву для оказания особого почета Константинопольскому Патриарху в Успенском соборе и главным образом — на случай решения вопроса об учреждении Патриаршества в России.

Вскоре состоялась встреча царя Феодора Иоанновича с Предстоятелем Константинопольской Церкви. Шестие Патриарха в царский дворец выглядело торжественно и красочно. Сам Иеремия ехал на ослы и благословлял многочисленный народ, а вслед за ним на лошадях ехала его свита: митрополит Моневацкий Иерофей и друг Патриарха, архиепископ Елассонский Арсений. С большими почестями провели Патриарха и его спутников в Золотую палату, где их встречал государь в полном царском облачении. Патриарх Иеремия благословил царя и преподнес дары: золотую панагию, в которой находились часть Животворящего Древа, частица Крови Христовой и часть ризы Господней, серебряный киот с мощами святого равноапостольного царя Константина, мощи святого Иакова Севастийского, а также золотую панагию с камнем, на котором была изображена святая Марина, и часть мощей святых, среди которых были мощи святителя Иоанна Златоуста⁴². После аудиенции переговоры продолжил царский шурин Борис Годунов. Благодаря умелой дипломатии русского правительства Патриарх Иеремия дал свое согласие на установление Патриаршества в России. Поначалу Патриарху Иеремии было предложено «на Патриаршестве быти в нашем государстве на престоле Владимирском и всея Великия России». Мысль о возможности навсегда остаться в России и перенести сюда Патриархию из порабощенного турками Константинополя настолько овладела умом и чувствами Иеремии, что длительное время и упорно она отстаивалась во всех дальнейших переговорах его с Годуновым. Однако одно обстоятельство смущало Константинопольского Предстоятеля: почему ему предложили быть во Владимире, ведь Патриарх должен быть всегда при государе? На это ему ответили, что в Москве остается «отец наш и богомолец Митрополит Иов». Окружение Патриарха Иеремии советовало ему отказаться от идеи жить в России, так как он не знал языка и «здешняя обычая» и, кроме того, Владимирская кафедра далека от столицы. Иеремия отказался, однако не от самой мысли об учреждении Патриаршества в России, а от своей кандидатуры на эту кафедру⁴³.

17 января 1589 г. в Москве был созван Собор высших иерархов Русской Церкви. На Соборе присутствовали: царь, Митрополит Иов, архиепископы Новгородский и Псковский Александр, Казанский и Свяязский Иеремия, Ростовский и Ярославский Варлаам; епископы: Суздальский и Тарусский Иов, Рязанский и Муромский Митрофан, Смоленский и Брянский Сильвестр, Тверской и Кашинский Захарий, Коломенский и Каширский Иосиф, Сарский и Подонский Геласий, архимандриты московских монастырей: Новоспасского Сергей, Чудова Феодосий, Симонова Тихон, Иона из Владимира, Мисаил из Новгорода; игумены монастырей: Кириллова Марк, Хутынского Сильвестр, Волоколамского Левкий, Пафнутиевова Варлаам; соборные старцы: Леонид Ширишков из Кириллова монастыря, Исмаил Сназин и Варсонофий Криницын из Иосифова монастыря⁴⁴.

Феодор Иоаннович открыл соборное заседание речью, в которой сообщил о предварительных переговорах с патриархами Иоакимом и Иеремией об учреждении Патриаршества в России, в результате которых этот вопрос был решен Патриархом Константинопольским положительно. Затем царь предложил Митрополиту Иову совместно с духовенством обсудить с отцами Собора конкретные пути осуществления этого великого для России дела. При участии Константинопольского Патриарха был составлен Чин поставления Патриарха в Русской Церкви⁴⁵. 19 января совместный Собор духовенства и бояр, на котором присутствовали государь Феодор

Иоаннович и Митрополит Иов, одобрил это чинопоследование и постановил отправить особых посланников к Патриарху Иеремии, чтобы тот назначил день избрания и наречения Московского Патриарха и день его посвящения. В состав представителей Русской Церкви вошли архиепископ Ростовский Варлаам, епископ Смоленский Сильвестр; архимандриты монастырей: Новоспасского Сергий, Чудова Феодосий, Преображенского в Казани Гермоген; игумены монастырей: Пафнутиева Левкий, Хутынского Сильвестр, Кириллова старец Леонид Ширишков, Иосифова старец Исмаил Сназин, строитель Серапион Марков и царский дьяк Андрей Шелкалов.

Патриарх Иеремия, посоветовавшись с прибывшими к нему, вынес решение: на Московское Патриаршество будет возведен тот, кого изберет Бог, Пречистая Богородица и великие чудотворцы Московские Петр, Алексей и Иона. Избрание было им назначено на ближайший четверг, 23 января, а посвящение — на воскресенье, 26 января⁴⁶. Согласно с этим решением, 23 января 1589 г. в полдень в Успенский собор в Москве съехалось все высшее духовенство России. Митрополит Иов оставался в своих палатах. За Патриархом Иеремией и сопровождавшими его митрополитом Иерофеем и архиепископом Арсением была послана почетная делегация, состоявшая из двух архиереев, трех архимандритов, пяти игуменов и семи старцев. С большой торжественностью, под звон колоколов следовала процессия от подворья, где останавливался Патриарх, к Успенскому собору. Впереди шли священосцы с лампадой и горящими свечами. На этом пути Патриарху были устроены три торжественные «встречи»⁴⁷. Наконец, войдя в собор, Патриарх Иеремия благословил всех, встал на приготовленное для него место, произнес молитву и поклонился святым образам и гробницам Московских Святителей. Затем остановился у чудотворной Владимирской иконы Божией Матери и совещался с архиереями об избрании кандидатов на русское Патриаршество, а также кандидатов на две новые митрополии в Новгороде и Ростове. Состав избирателей, включавший греческого митрополита Иерофея, архиепископов Казанского Тихона и Елассонского Арсения, епископов: Суздальского Иова, Смоленского Сильвестра, Рязанского Митрофана, Тверского Захария, Коломенского Иосифа и Крутицкого Захария, удалился в придель в честь Похвалы Пресвятой Богородицы, где иерархи избрали трех кандидатов на Патриаршество: Иова, Митрополита Московского, Александра, архиепископа Новгородского, и Варлаама, архиепископа Ростовского; трех кандидатов на Новгородскую кафедру: Новгородского архиепископа Александра, Троицкого архимандрита Киприана и архимандрита Владимирского Рождественского монастыря Иону; трех кандидатов на Ростовскую кафедру: Ростовского архиепископа Варлаама, новоспасского архимандрита Сергия и чудовского архимандрита Феодосия. Имена кандидатов были записаны в особые грамоты, каждая из которых была скреплена подписями избирателей⁴⁸. С этими грамотами Патриарх в сопровождении всего священного собора направился в царские палаты. Государь Феодор Иоаннович встретил духовенство у входа в Золотую палату и, приняв благословение от Патриарха Иеремии, пригласил всех пришедших. Дьяк Андрей Шелкалов прочитал грамоту. Из числа трех кандидатов выбор государя остановился на Митрополите Иове. Ни для кого из присутствовавших этот выбор не был неожиданностью — более достойной кандидатуры на Первосвятительство в России в то время не было, и потому этот акт был воспринят современниками как выражение воли Божией. Тотчас были посланы духовные лица для приглашения Митрополита Иова во дворец. Русским представителям, с одной стороны, хотелось поддержать высокое достоинство русского Первосвященителя, с другой — нежелательно было обижать и Вселенского Патриарха, как это было, например, при встрече Митрополита Дионисия с Патриархом Иоакимом, во время которой Дионисий, не соблюдая иерархической субординации, первый благословил Иоакима⁴⁹. Вопрос о том, как произойдет встреча Митрополита Иова с Патриархом Иеремией, видимо, очень тревожил русское правительство; ему придавалось большое значение: ведь для русских церковных и государственных деятелей совсем небезразличным было, каким будет статус русского Патриаршества во вселенском диптихе. Не случайной церемонией этой встречи был подробно расписан самим царем: «И как придет Иев Митрополит всея России к дверям палатным, и государь царь благочестивый встретит Митрополита Иева всея России в дверях палатных, в Митрополит Иев благословит царя благочестивого по чину по государьскому. Иеремей Святейший Патриарх Вселенский со царем благочестивым и со архиепископы и епископы и со всем освященным собором встретят Митрополита Иева всея России. А Митрополиту Иеву понти благословится к Святейшему Патриарху Иерею; а благословив Патриарх Иеремей Митрополита Иева всея России, и меж себя о Христе целование сотворят, как меж себя патриархи целуются в уста; а посох в ту пору Митрополит свой отдаст на тот час которому архиепископу, как пойдет к Патриарху благословится; а Патриарх Иеремей вселенский свой посох по тому ж отдаст своему митрополиту. О том Патриарху приказати. А будет посоха Патриарх Иеремей отдать не похочет, и митрополиту Иеву своего посоха не отдав итти к Патриарху благословится и поцеловаться во уста»⁵⁰.

Встреча прошла благополучно. Царь произнес знаменательную речь: «По изволению Божию и Пречистой Богородицы и великих чудотворцев Московских и по нашему совету со Святейшим Иеремеем Патриархом вселенским и со архиепископы и епископы и со всем освящен-

ным собором нашего Российского царствия и со всеми бояры приговорили есмя быти тебе, Иову Митрополиту всяя России, на велий престол в Патриархи в Московское государство Российского царствия. И ты бы, отец наш и богомолец Иов Митрополит, нареченный Патриарх Московский и всяя России, молил Бога и Пречистую Богородицу и великих чудотворцев Московских Петра, Алексия и Иону и всех святых о нашем многолетнем здравии, и о нашей благоверной царице великой княгине Ирине, и о нашем чадородии, и о христолюбивом воинстве, и о всем православном христианстве»⁵¹.

Патриарх Иеремия благословил святителя Иова, как «нареченного» в Патриарха Московского и всяя Руси, после этого подал царю две другие грамоты об избрании кандидатов на Новгородскую и Ростовскую кафедры. Ознакомившись с ними, царь определил: «Пригоже быти в Великом Новеграде архиепископу Александру, а в Ростове быти в митрополитах архиепископу Варлааму; те оба добры и тута готовы»⁵². Патриарх Иеремия благословил избранных на митрополи и определил совершить их посвящение в митрополиты будущему русскому Патриарху. Чин наречения был окончен, патриархи прошли в собор, где, прочитав молитвы, поклонились святыням, братски о Христе поцеловались и расстались.

Через три дня, 26 января, в еще более торжественной обстановке было совершено посвящение святителя Иова в Патриарха Московского и всяя России. В соборе заранее приготовили возвышение, на котором поставили три кресла — для царя, Константинопольского Патриарха Иеремии и новонареченного Патриарха Московского Иова. Кресла были обиты дорогими тканями. По обе стороны от возвышения поставлены были скамьи для высшего духовенства. В первом часу дня начался благовест и к собору стала стекаться духовная и светская знать. Первым прибыл святитель Иов и, поклонившись святым иконам и мощам, направился в придел Похвалы Пресвятой Богородицы для облачения. Затем, повторив тот же церемониал шествия в собор, что и при наречении, прибыл Патриарх Иеремия, который торжественно облачался в центре собора. При облачении Патриарха певчие пели по-гречески славник Кресту «Глас пророка Твоего Моисея исполнися, глаголюще». Затем открылось торжественное шествие государя Феодора Иоанновича. Певчие встретили его входным многолетием, и после поклонения иконам он принял благословение от Патриарха и сел на своем традиционном месте. По патриаршему благословию соборный протопоп Евфимий и греческий архидиакон Леонтий были посланы в алтарь для приглашения архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и протопопов. Все они подходили по двое и усаживались на приготовленные места «по чину соборному и обычаю». Затем названные протопоп и архидиакон ввели святителя Иова и поставили перед орделом, расположенным у амвона. Поклонившись в пояс царю и Патриарху, новонареченный Патриарх прочел вслух свое исповедание православной веры и присягу⁵³. По окончании чтения текста Патриарх Иеремия произнес молитву, благословляя святителя Иова: «Благодать Пресвятаго Духа нашим смиреннем имеет тя Патриархом в Богоспасаемом граде царствующем Москве и всяя Великия России». После этого царь, Патриарх и все сослужившие сели на свои места. Соборный протопоп и архидиакон подвели Патриарха Иова к Святейшему Иеремии. Константинопольский Патриарх благословил его, принял от него благословение, оба совершили братское целование. Затем Патриарх Иов приветствовал прочих архиереев, стал у ордела и поклонился. Патриарх Иеремия вновь благословил его со словами: «Благодать Пресвятаго Духа да будет с тобою». После этого новонареченный взшел на уготованное для него место на возвышении и встал близ царя и Патриарха. Оба патриарха приветствовали царя, а царь приветствовал патриархов. Святитель Иов поклонился всему священному собору до земли и был отведен в придел Похвалы Пресвятой Богородицы, где оставался до времени посвящения.

Началась Божественная литургия. Во время пения Трисвятого он стал пред Царскими вратами, затем был введен архиереями и протопопом в алтарь и, по благословию Патриарха Иеремии, трижды обошел вокруг престола при пении тропаря святым мученикам. У престола Патриарх возложил на его главу Евангелие, сослужившие архиереи возложили свои руки на его главу и трижды благословили новонареченного святителя Иова. Святейший Иеремия прочитал положенные при архиерейском рукоположении молитвы. Затем оба патриарха совместно продолжали службу. После Евхаристического канона Патриарх Иеремия произнес имя Патриарха Иова: «В первых помяни, Господи, Святейшаго Патриарха нашего Иова Московского и всяя России». Святейший Патриарх Иов произнес аналогичный возглас с именем Патриарха Иеремии.

После литургии оба патриарха вышли из алтаря. Архиереи возвели нового Патриарха на его первосвятительское место посреди собора и трижды посаждали в патриаршее кресло с пенем многолетия по-гречески. Затем святитель Иов снял богослужебное облачение, Патриарх Иеремия возложил на него «золотую воротную икону», а также переданную от государя золотую панагию, украшенную драгоценными камнями, «да клобук вязан шолк бел с каменнем с яхонты и с жемчюги; на верху (клобука) плащ золот чеканен, а на нем крест; по клобуку же дробницы по золоту чеканены; у клобука ж три полицы, а на них плащ, по них писаны святые, а по концам у полиц камене яхонты червчаты и лазоревы и жемчюги великие;

да манатью бархат таусинен рытый со источники, а по источникам низан жемчюг»⁵⁴. После взаимных здравствований патриархи и царь сели на свои места. Царь Феодор Иоаннович произнес поздравительную речь: «Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая нам вся Россия и самодержавство Российского царствия, подобает тебе сей великий престол великого чудотворца Петра архиерейства Патриаршества Московского и всего Российского царствия, рукоположением и освящением вселенского Патриарха Иеремии Цареградского и святых отец митрополита греческого и архиепископов и епископов нашего самодержавного Российского царствия; и желз пастырства, отче, восприими и на седалище старейшинства во имя Господа Иисуса Христа и Пречистыя Его Богоматери на того великого чудотворца Петра звыди, и моли Господа Бога и Пречистую Богородицу Его Матерь и великих чудотворцев Петра, Алексея и Иону и всех святых о нас и о нашей царице и о всем Православии, яже на пользу нам и всему православному христианству душевно и телесно, и подаст ти Господь Бог здравие и долготлетствие во веки. аминь»⁵⁵. По окончании речи государь подал Патриарху Иову посох святого Митрополита Петра, украшенный позолотой и драгоценными камнями, для управления русским Патриархатом. На царское слово Патриарх Иов ответил речью, в которой обещал молиться Богу о Русском государстве. В заключение патриархи благословили народ на четыре стороны при пении многолетия.

В тот же день царь пригласил обоих патриархов к праздничному столу в Золотой палате. За великим столом с государем сели патриархи, за другими столами — духовные и светские лица и находившиеся в то время в Москве послы из Иверии. Патриарх Иеремиа благословил трапезу. Греки были поражены убранством, богатством и разнообразием яств, вин и посуды⁵⁶. Во время третьей «яствы» Патриарх Иов встал, запели «Достойно есть», и он отправился со святой водой и воздвизальным крестом в руках совершить объезд на осляти вокруг Кремля и Китай-города в сопровождении духовенства, дворян, бояр и гостей. На Фроловском мосту он сошел с осляти, произнес молитву о благоденствии города, царя и Русского государства, благословил крестом врата, окропил их святой водой и продолжил путь к дворцу. Во время шестой пелись избранные стихиры праздников и великих святых. При въезде Патриарха Иова в Кремль раздался звон всех колоколов. У лестницы Грановитой палаты его встретили Борис Годунов и бояре, которые вновь отвели Патриарха к столу. Здесь были подняты чаши, по русскому обычаю, во имя Богородицы, в память Святителя Московского Петра, произнесены заздравные тосты в честь царской четы и новопоставленного Патриарха Иова. После обеда государь щедро одарил обоих патриархов и греческую свиту. Святитель Иов получил в подарок от государя «кубок двойчат в 7 гривенок, два бархата рытый и гладкий, две объяри, камки и два атласа разноцветных и 40 соболей в 50 рублей»⁵⁷. Вечером Патриарх Иов послал Патриарху Иеремию с сопровождавшими приглашение с просьбой посетить его на следующий день.

27 января Патриарх Иов служил Божественную литургию в своем дворе, после чего он отправил трех епископов и царских приставов за греческим Патриархом. У входа в палаты Московского Патриарха Святейшего Патриарха Иеремию встречали архиерей и бояре, а когда гости вошли, их приветствовал Патриарх Иов. Оба патриарха произнесли слова молитвы «Достойно есть». Патриарх Иеремиа первый просил благословения у Святителя Иова, но тот смиренно заметил: «Ты мне великий господин и старейший отец; от тебя аз восприял благословение и поставление патриаршеское, и теперь нам от тебя нужно благословляться». На эти слова Иеремиа ответил: «Во всей подсолнечной один благодетивый царь, а впрядь это Бог изволит; здесь подобает быть вселенскому Патриарху, а в старом Цареграде, за наше согрешение, вера христианская изгоняется от неверных турок»⁵⁸. По настоянию русского Первосвятителя вначале Иеремиа благословил Московского Патриарха, затем сам принял от него благословение, и после братского приветствия они проследовали в палаты. На этот раз впереди шел Патриарх Иов.

Вскоре патриархи и архиерей были приглашены в царский дворец. В Золотой палате, где уже собрался бояре и духовенство, их принял царь Феодор Иоаннович. Патриарх Иов поднес государю образ Пресвятой Богородицы, «обложенный золотом, с яхонтами, и пелену атласную, саженую жемчугом, и кубок двойной серебряный, бархат и камни и сорок соболей и десять угорских червонных, и такие же дары царице Ирине»⁵⁹. Царица Ирина, приняв благословение от патриархов, произнесла речь, в которой благодарила Патриарха Иеремию за подвиг пришествия в Россию, чем, по ее словам, доставлено «великое украшение Русской Церкви, ибо отныне возвеличением достоинства Митрополита ея в сан Патриарший умножилась слава Русского царства во всей вселенной; этого давно желали князья русские и этого, наконец, достигли ныне с пришествием вселенского Патриарха»⁶⁰. В этой речи впервые было высказано то историческое значение, которое получило учреждение Патриаршества в России. Затем царица щедро одарила Патриарха Иеремию и его спутников, сама также получила в дар от Патриарха Иова образ Пресвятой Богородицы, обложенный золотом.

После устроенного приема Предстоятели Церквей возвратились на патриарший двор к праздничному обеду. Здесь Патриарх Иеремиа произнес речь, поясняющую степень и зна-

чение участия главы Русского государства в содействии учреждению Патриаршества в Русской Церкви: «Се Господь Бог за чистое его житие, и за моление, и за великую милостыню, и за молитву благочестиваго государя царя и великаго князя Феодора Ивановича, всея России самодержца, совершитися Патриарху в соборную и апостольскую церковь Пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения и великих чудотворцев Русских Петра, Алексия и Ионы, занеже во всей подсолнечной един благочестивый царь и к Создателю тепл верую, и к церковникам и к нищим милосерд безо лести, со opisaniem благим, и к воинству и ко всему православному христианству благоприветлив»⁶¹. При прощании Свяtitель Иов передал свои дары Патриарху Иеремии, митрополиту Иерофею, архиепископу Арсению и другим их спутникам⁶².

Утром Патриарх Иеремия прислал русскому Патриарху в дар осленка для предстоявшей в тот день церемонии нового объезда города. Непрекращавшимся потоком приходили на патриарший двор с поздравлениями и подарками бояре и духовенство, дворяне и простой народ. После Божественной литургии в Успенском соборе, совершенной Святейшим Патриархом Иовом, был устроен праздничный обед для русского духовенства. После третьего блюда Патриарх в сопровождении новоназначенных митрополитов и архиепископов, при пении молитвы «Царю Небесный» совершил на осляти торжественный объезд города. По пути он благословлял крестом народ и кропил стены города святой водой. Колокольный звон возвестил о выезде Предстоятеля в Кремль.

Через несколько дней, 30 января, Патриарх Иов совершил первое возведение в сан митрополита на Новгородскую кафедру архиепископа Александра, а еще через несколько дней — архиепископа Варлаама на Ростовскую митрополию. Этими актами было завершено торжество установления Патриаршества в Москве.

Русское государство теперь и в церковном отношении стало совершенно самостоятельным и независимым, юридическая подчиненность Константинополю была отныне упразднена. Оставалось, правда, канонически утвердить русское Патриаршество признанием Православного Собора. На достижение канонического оформления осуществившегося акта и были направлены действия русской церковно-государственной власти в последующие годы.

В мае 1589 г., ко времени отъезда Патриарха Иеремии из Москвы, русской стороной была подготовлена «уложенная грамота», в которой обстоятельно излагалась история приезда Константинопольского Предстоятеля, переговоры с ним, наречение и поставление на Всероссийскую кафедру Патриарха Иова. В этом документе от лица Патриарха Константинопольского была дана характеристика царя Феодора как самого благочестивого православного правителя, в котором «претявает Дух Святый» и которому Богом послана мысль об утверждении в России Патриаршества, ибо «древний Рим пал Аполинариевою ересью», а второй Рим — Константинополь — находился во власти безбожных турок, «внуков агарянских»; третий же Рим — Москва — превзошел всех в благочестии: именно здесь по Божью Промыслу, по милости Богородицы, по молитвам чудотворцев Петра, Алексия и Ионы, у «единственного христианского царя во всей вселенной» исполнилось великое дело — учреждение Патриаршества. Далее в грамоте приводится соборное определение о количественном увеличении и возвышении епископских кафедр, о праве Русской Церкви поставлять в будущем своих патриархов Собором русского епископата. В заключении изложено соборное определение: считать уложение навеки непреложным⁶³. Грамота была подписана двумя патриархами, русскими митрополитами, архиепископами, епископами и другими членами Собора, в том числе греческим духовенством: митрополитом Иерофеем, архиепископом Арсением и другими. Всего под грамотой стояло 32 подписи⁶⁴.

Примерно через год Патриарх Иеремия возвратился в Константинополь⁶⁵. В 1591 г. в Россию прибыл посланник восточных патриархов митрополит Тырновский Дионисий. Он привез грамоту об утверждении Свяtitеля Иова Всероссийским Патриархом в ряду других православных патриархов. Каноническое оформление этого акта обсуждалось на Соборе восточных иерархов 1590 г. Грамоту подписали патриархи: Константинопольский Иеремия, Антиохийский Иоаким, Иерусалимский Софроний (Александрийская кафедра вдовствовала из-за смерти Патриарха), 42 митрополита, 19 архиепископов и 20 епископов⁶⁶. Собор определил русскому Патриарху пятое место в диптихе Патриархатов — после Иерусалимского Первосвяtitеля.

Правда, в Москве не очень были довольны определением Собора восточных иерархов, полагая, что пятое место Русской Церкви в ряду других Православных Церквей не отображало реального соотношения сил и положения Церкви в православном мире. Надеялись на усвоение русскому Патриарху, учитывая традиции и исторический путь восточных Патриархатов, третьего места, после Константинопольского (В.еленского) и Александрийского Патриархов⁶⁷. Восточным Предстоятелям Церкви были адресованы грамоты⁶⁸. В феврале 1593 г. в Константинополе состоялся новый Собор восточных иерархов, на котором было подтверждено решение Собора 1590 г.: Патриаршество в Русской Церкви утверждалось, по диптиху Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси определено пятое место⁶⁹. Решения Соборов

1590 и 1593 гг. подтверждены соответствующими юридическими актами⁷⁰.

Патриаршество, введенное в России, имело огромное значение и последствия. Еще на одну ступень оно возвысило нашу страну в восприятии западных Церквей и иностранных держав, в еще большей степени заставило их считаться с интересами России. Киевская митрополия, доведенная внутренними раздорами и внешними западными притязаниями до бедственного состояния, не только фактически, что было и раньше, но и юридически отныне потеряла равные права с Московской кафедрой и постепенно вошла в состав Московского Патриархата. В самой России возвышение Митрополита до сана Патриарха качественно изменило взгляд гражданских властей на духовенство. Если прежде Митрополит Московский в глазах царского двора представлялся зависимым иерархом, то теперь самостоятельность Патриарха побуждала относиться к нему не только с уважением, но нередко — в государственных интересах — пользоваться его авторитетом, а в некоторых случаях — не позволять себе в глазах Патриарха действовать вопреки мнению Церкви и христианским законам.

3. ПЕРВОСВЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

История учреждения Патриаршества и главные побуждения, вызвавшие его жизненную необходимость, показывают, что патриарший образ церковного управления на Руси установлен для того, чтобы устранить несоответствие существовавшего положения Русской Митрополии с ее действительным значением в христианском мире. Существенных перемен в правовой и юридической характер Церкви в Русском государстве это событие не внесло⁷¹. Конечно, статус Патриарха обязывал Первосвященителя по-новому осмыслить пределы своих епархий, служившее в них духовенство и свою многочисленную паству.

В первые дни своего патриаршества Святитель Иов, как уже отмечалось, возвел двух иерархов — Новгородского Александра и Ростовского Варлаама — в митрополиты. В последующие несколько месяцев Русская Церковь получила еще двух митрополитов: Сарского и Подонского Геласия и Казанского Гермогена (будущего Патриарха); пятерых архиепископов: Вологодского Иону, Суздальского Иова, Смоленского Сильвестра, Рязанского Митрофана и Тверского Захария; епископа Мисаила на вновь открытую Псковскую кафедру. Впоследствии при Патриархе Иове были открыты еще две епархии — в Астрахани, где в 1602 г. первым архиепископом стал настоятель Троицкого монастыря архимандрит Феодосий, и епископия в Карелии. Кроме того, вместо шестого архиепископа, утвержденного соборным определением 1589 г. на кафедру в Нижний Новгород, долгое время в составе русской иерархии числился архиепископ Елассонский Арсений, который с 1591 г. постоянно жил в России и был оставлен в московском Архангельском соборе для почетной миссии совершения служб по усопшим русским князьям⁷². Согласно диптиху, епископат Русской Церкви приобрел отчетливую иерархическую последовательность. Первое место в ряду митрополитов принадлежало Новгородскому архипастырю, второе — Казанскому, третье — Ростовскому, четвертое — Сарскому и Подонскому. Архиепископы располагались в следующем порядке: Вологодский, Суздальский, Смоленский, Рязанский, Тверской, Елассонский (или Архангельский) и Астраханский. Иерархия епископских кафедр была такой: первая — Псковская, вторая — Коломенская, третья — Карельская⁷³.

Кроме забот, связанных с устройением высшей церковной иерархии, Патриарх Иов обратил внимание и на низший состав духовенства. Дело в том, что ко времени патриаршего служения святителя Иова накопилось множество нарушений низшим духовенством церковного Устава и церковного благочиния. В Москве были замечены факты нетрезвости среди священнослужителей, некоторые из них не служили в своих храмах, а нанимали посторонних священников, иные уклонялись от заказов служб, неподобающе вели себя во время богослужений. Для устранения этих недостатков Патриарх на Соборе 1592 г.⁷⁴ поручил управление московскими храмами восьми так называемым поповским старостам, у каждого из которых в подчинении было сорок священников. В помощь им Собор определил назначить по четыре десятских диакона. Старосты и десятские подлежали надзору четырех протопопов⁷⁵ — двух дворцовых и двух городских, которые обязаны были, в случае нерадения старост, поучать и вразумлять их. Дополнительно, для обсуждения церковных дел и поведения московских священников, соборным постановлением предписывалось старостам собираться каждый день в специально отведенной для этого избе при Покровском соборе и, в случае нарушений со стороны подведомственного им духовенства, сообщать обо всем Патриарху.

Обязанности, возложенные на поповских старост, были следующими: они должны были наблюдать, чтобы во всех церквах ежедневно совершалась служба, чтобы во время литургии и молебнов соблюдалось благочиние, священники и диаконы не злоупотребляли вином, чтобы священники сами служили в своих церквах и не нанимали вместо себя других без крайней на то нужды, чтобы нанимавшиеся на служение священники получали на это разрешение у Патриарха и брали за ежедневную службу не больше алтына, а в праздники по два алтына, чтобы на торжественные молебны в соборном храме и на крестные ходы с Патриархом собирались все священники, вели себя на них пристойно, не отставали во время торжественных шествий и

не расходились тотчас по окончании их. На поповских старостах лежала также обязанность следить за тем, чтобы деньги, отданные прихожанами на панихиды и молебны, были разосланы по церквам и чтобы в них непременно отправлялись эти службы.

Таким образом, меры, предпринятые Первосвященником, были направлены на укрепление духовного и дисциплинарного состояния священнослужителей, на улучшение их нравственности и поддержание в храмах благочиния. О трудности осуществления этого мероприятия говорит хотя бы тот факт, что еще за сорок лет до этого, на Стоглавом Соборе 1551 г., обсуждался вопрос о повышении нравственности духовенства⁷⁶, но, к сожалению, попытки изменить положение низшего духовенства не привели к заметным результатам. Беспорядки среди этого сословия так укоренились, что даже серьезные меры Патриарха Иова порой подвергались той же участи, что и распоряжения Стоглавого Собора. Так, например, в одном из донесений патриаршего тиуна, датированном 1 октября 1604 года, сообщается, что «поповские старосты и десятские в избу не приходят и попов и дьяконов от беззачина не унимают; безместные попы и диаконы в поповскую избу не ходят и пред литургиею правила не правят, а садятся у Флоровского моста и чинят великая безчинства, заводят игры, бранятся и борются между собою и тут же нанимаются служить литургию; приезжие попы нанимаются служить без разрешения, и ему, тиуну, ставленным своих грамот не кажут, его не слушают, бранят и позорят»⁷⁷. Патриарх вынужден был созвать всех поповских старост. Он напомнил им о их обязанностях, призвал быть исполнительными в отношении к своему долгу и приказал выдать им письменный наказ, в котором наряду с прежними наставлениями были прибавлены новые указания: священнослужителям бедных приходов обязательно служить в своих храмах по субботам, воскресеньям и праздничным дням (в остальные дни им разрешалось наниматься в другие приходы), не служить литургий рано, до солнечного восхода, а только в третьем часу дня, т. е. в 9 часу по богослужебному кругу (в те дни, когда в соборе бывали молебны и крестные ходы, разрешалось служить литургию раньше); безместным священникам возбранялось служить без разрешения патриаршего тиуна, причем тиуну позволялось взимать с них только «по деньге» за обедню, не больше⁷⁸.

Однако успех патриарших распоряжений мог быть обеспечен только постепенной и терпеливой работой среди духовенства. Одним из направлений этой работы было насаждение образования и просвещения. Некоторые исследователи XIX в. утверждали, будто Патриарх Иов был против учреждения в Москве университета: он так и не дал своего согласия Борису Годунуво на приглашение для этого из Германии профессоров и докторов⁷⁹. Объяснять противодействие русского Патриарха тому, чтобы образование в России осуществлялось под началом иностранцев, «невежеством» Патриарха — довод весьма неосновательный, неблагоприятный. Рукописное наследие Святейшего Иова может быть прекрасным доказательством того, что первый русский Патриарх был одним из самых образованных людей своего времени. Не чуждался он и людей, занимавшихся науками, напротив, приближал их к себе⁸⁰. Сам факт активнейшего участия Патриарха в исправлении богослужебных книг и развитии книгопечатания в России указывает на то, что Предстоятель Русской Церкви не мог не сочувствовать образованию, не мог не понимать его необходимости и той пользы, какую оно могло бы принести как духовенству, так и всему народу. Главной целью всей деятельности Патриарха Иова было укрепление в России Православия, усиление веры и духовной мощи Русской Церкви. Очевидно, что опасение за чистоту Православия побуждало Патриарха быть осмотрительным в контактах с иноверными⁸¹. К тому же не раз в правление Святейшего Иова католический Рим возобновлял попытки подчинить себе Русскую Православную Церковь⁸². Для современников первого русского Патриарха бедственное положение единоверных в юго-западных землях Русского государства, страдавших от уннатов и латинян, было поучительным в отношении того, насколько опасные последствия таили в себе в те времена сближения с Западом⁸³. Им не могли быть неизвестны также и бедствия, которым, при содействии папы, подвергались православные в Малороссии и Литве. Именно поэтому Святейший Патриарх Иов дальновидно ответил царю Борису Годунуво, что Россия благоденствует в мире единством веры и языка; что многоязычие может привести к «разности в мыслях», опасную для Церкви, что неблагоприятно верить воспитание юношества католикам и иноземцам⁸⁴. Признавая нужду в просвещении, Патриарх Иов предполагал восполнить недостаток в этом направлении опытными средствами, уже испытанными в России предшествовавшими веками, акцентируя внимание на духовном развитии русского народа, распространении Священного Писания, святоотеческого учения и церковного Предания. Источниками истинного, освященного традиции, просвещения в то время были монастыри. Еще Стоглавый Собор постановил открыть во всех монастырях школы грамоты, а при обеспеченных монастырях — школы, рассчитанные на подготовку священнослужителей. В них под руководством опытных иноков-подвижников воспитывались будущие русские архипастыри — созидатели и организаторы церковной жизни, а также делатели умной молитвы Иисусовой — молитвенники за землю Русскую и ее народ; в них хранились многие тысячи рукописных книг — бесмертных творений русских и восточных отцов Церкви; в них народ постигал уроки чистой веры и благочестивой жизни.

Вполне естественно, что в сфере забот Патриарха Иова особое значение приобретала дея-

тельность под его руководством, связанная с исправлением и подготовкой к печатанию богослужебных книг. До времени правления Святителю Иова в России были напечатаны всего четыре богослужебные книги: Евангелие, Апостол, Часослов и Псалтирь. Еще в послесловии к Апостолу, изданному в 1564 г. в Москве русским первопечатником диаконом Иоанном Феодоровым († 1583), было сказано, что рукописных книг на Руси не хватает, и они почти все неисправны, наполнены ошибками и непригодны к употреблению, печатных же книг можно подготовить много и соблюсти единообразие текста⁸⁵. Изданные в середине 60-х гг. богослужебные книги не могли в полной мере удовлетворить запросы Церкви, поэтому послесловие к Апостолу 1564 г. было актуальным и через 25 лет. В ноябре 1589 г. вышла Троица Постная. Ее печатание начато было по благословению Митрополита Иова еще в 1587 г. издателями Андронником Тимофеевым и его сыном Иваном, которые, как видно из послесловий всех книг, изданных в годы предстоятельства Патриарха Иова, были главными в России «типографами»⁸⁶. В послесловии к Троице Постной справщики искренно признаются в недостатках издания и просят извинения и смиренной помощи у всех читателей: «Аще что вам помянется в ней непотребно, и вы, Боже ради, сами исправляйте с советом освященного собора, елико вас свыше наставит Святой Параклит, а нас, Бога ради, благословите, а не кляните»⁸⁷.

В ноябре 1591 г. была издана Троица Цветная. В послесловии к этой книге признавалась необходимость исправления и печатания богослужебных книг: «Се убо от Того Троицкостасного Божества Неразделимая Троица возжеся великий пламень Божественного огня о исправлении святых книг в души благочестивому и Богом венчанному царю и великому князю Феодору Ивановичу всея Русии самодержцу... и о том святом книжном исправлении, церковного богослужения и о взыскании слова истины непорочныя христианския веры неусыпно имуще к Богу духовные очеса... дабы в Богоспасаемом царствующем великом граде Москве, в соборной Божественней велицей церкви и во всей России святякия книги свидетельствованы и исправлены были; и печатного дела писмены исполнены, понеже во многих летех от препиующих неученых человек неправлены»⁸⁸. Ближайшей целью издания церковных книг в этом послесловии определено восполнение их недостатка в новопросвещенных землях: «во граде Казани, и Астрохани, и Сибири, и в окрестных их градах и местах»⁸⁹. Через три года после выхода Троицы Цветной был издан Октоих в 2-х частях, в 1597 г. — второй тираж Апостола в количестве 1050 экземпляров.

В правление Бориса I одунова книгопечатание развивалось еще успешнее. По его распоряжению был построен дом, в котором надлежало «трудолюбивому сему книжнаго писания печатному делу совершатися»⁹⁰. В 1598 г. по благословению Патриарха Иова вышли Часовник, Минея Общая в двух изданиях, Чинovníк архиерейского служения (1600), Служебник, Псалтирь (1602), Троица Цветная (1604). В послесловии последнего издания справщики, как и в других книгах, признаются в «грубости» ума, «неразумии» и просят: «согрешением нашим подадите (прощение), а не кляните, да и вы обратите милость в день судный, егда придет Праведный Судия Христос Бог воздати хотя всем, комуждо по делом его». И далее называется авторский состав издателей, учеников и преемников диакона Иоанна Федорова: «Напечатана же бысть книга сия художеством и труды мастера Ивана Андроникова сына Нежевина и прочих сработников, трудившихся о Господе. Ему же купно слава»⁹¹. В Служебнике 1602 г.⁹², кроме текстов литургии, утрени и вечерни, напечатаны чинопоследования некоторых Таинств — Крещения, Брака; последования водоосвящения в навечерие Богоявления, чин омовения мощей, последование причащения святой воды (Агиасмы), причащения Святыми Дарами больно́го и молитвы на разные случаи⁹³. Анализируя редакторские исправления издателей в этом Служебнике, можно констатировать, что текст не был сличен с греческими первоисточниками. Как признаются сами справщики, делали они исправления «от своего умышления». Проскомидия, согласно этому изданию, совершается на семи просфорах, опущена молитва священника о самом себе перед совершением литургии. В некоторых случаях справщики, не расьаясь брать на себя ответственности изменять текст, откладывали исправления до разрешения высшей иерархии и писали: «Доложитъ»⁹⁴. Кроме того, в чине проскомидии сокращено и исправлено последование входных молитв, отсутствуют молитвы, которые произносит священник на пути в храм, и некоторые тропари, произносимые им пред Царскими вратами; опущены молитвы священника после облачения и перед началом проскомидии; нет молитв над вином («ту благодать послы и на вино сие и благослови с Духом Твоим Святым»), отсутствуют слова, произносимые во время соединения воды и вина. Для проскомидии полагается, как упоминалось выше, семь просфор: первая — в воспоминание Господа Иисуса Христа, вторая — в честь и память Богоматери, третья — в честь святых, четвертая — в честь Патриарха и всех епископов, пресвитеров и диаконов православных; пятая — о царе и царствующем доме; шестая — о монашестве и о здравии всех православных; седьмая — о упокоении⁹⁵. В самом тексте литургии присутствуют некоторые молитвы, опущенные в последующих изданиях Служебника: во время входа с Евангелием и перед лобзанием мира, а также во время пения «Аллилуиа»; на великом входе нет указаний о поминовении царя и Патриарха, но как диакон, так и священник произносят одни и те же слова: «Всех вас да помянет Господь Бог во Царствии Своем» и т. д.⁹⁶.

Просвещенный Патриарх понимал, что полноценность текстов книг требовала тщательной их сверки с греческими списками, но, поскольку в то время не было достаточного числа хороших переводчиков, Святейший Патриарх Иов избрал путь сопоставления древних русских списков и отбора лучших текстов⁹⁷. Итак, благодаря Патриарху Иову, по его благословию и при его деятельном участии было издано (не считая повторных изданий) девять книг. Из них шесть: Триодь Постная, Триодь Цветная, Октоих, Минея Общая, Чиновник и Служебник — были изданы впервые. Другие — Псалтирь, Апостол и Часовник — были практически переизданием⁹⁸. Скромные начинания Патриарха Иова были поддержаны и развиты будущими русскими первоиерархами. Заслуга Святителю Иова заключалась в том, что он был первым, кто поставил дело книгопечатания на широкую основу, при этом осваивался опыт критического осмысления рукописных источников богослужебных книг, нередко содержавших неточности, допущенные многочисленными переписчиками прошедшего времени.

Другим знаменательным мероприятием в области церковно-литургической жизни была деятельность Патриарха Иова по прославлению некоторых русских святых и установлению в их честь новых церковных праздников.

С 1588 г. у гроба Василия Блаженного, Московского Христа ради юродивого, начали совершаться многочисленные чудеса. Патриарх с собором определил праздновать память святого 2 августа. По распоряжению царя Феодора Иоанновича был построен придел во имя Василия Блаженного в Покровском соборе и сооружена для мощей святого серебряная с позолотой гробница.

Второй церковный праздник установлен Святителем Иовом в честь преподобного Иосифа Волоколамского. Еще в 1579 г. Собором было положено праздновать его память только местно, в основанной им обители. В 1591 г. Патриарх совместно с Собором определил совершать его память по всей России 9 сентября. Примечательно, что сам Патриарх составил преподобному Иосифу Волоколамскому канон и «исправил службу»⁹⁹.

В 1595 г. Патриархом Иовом было установлено еще одно празднование — соборная память в честь Московских святителей Петра, Алексия и Ионы, отмечающаяся в один день — 5 октября. Особые празднования, каждому святому отдельно, существовали и до этого. В том же году Патриарх в своем селе Селятине, близ Голенищева, при храме Святителю Николаю Чудотворца построил придел во имя Трех Московских святителей, а также освятил в их честь церковь на своем патриаршем дворе¹⁰⁰. В 1596 г. мощи Святителю Алексия были переложены в новую серебряную гробницу.

4 октября 1595 г. были обретены мощи Казанских чудотворцев — Гурия, архиепископа Казанского, и Варсонофия, епископа Тверского. Этот день и был закреплен как праздник в честь двух святителей. Царь и Патриарх повелили построить особую церковь при той, где нашли гробы с нетленными мощами, с южной стороны алтаря, и там поставить мощи святых для всенародного чествования. Патриарх Иов благословил митрополита Гермогена составить Житие святителей, что и было исполнено¹⁰¹.

В том же году были обретены нетленными мощи Угличского князя Романа Владимировича, жившего в XIII в. Освидетельствование останков, по указу Патриарха Иова, было произведено митрополитом Казанским Гермогеном, после чего святые мощи перенесены в новую соборную церковь города Углича. По благословию Святителю Иова было постановлено праздновать день памяти благоверного князя 3 февраля. Воевода Семен Романович Олферьев и инок Переяславского Данилова монастыря Сергей составили¹⁰² Житие благоверного князя Романа Угличского и канон ему.

В 1597 г. были открыты мощи преподобного Антония Римлянина (XII в.). Кратко о том, как это произошло. Одному иноку Антониевой обители в Новгороде после келейной вечерней молитвы было во сне откровение. Нифонту, так звали инока, казалось, что он находится в храме Рождества Пресвятой Богородицы, где был погребен преподобный Антоний. Он увидел мощи Антония, лежащие наверху церковного помоста в гробнице около святителя Никиты. Сам же храм был весь наполнен светом. Проснувшись, Нифонт рассказал о видении своему духовнику и некоторым из братии монастыря. Спустя некоторое время Нифонт решил поклониться мощам преподобного Антония. По монастырскому обычаю, он поднял доску гробницы преподобного и обнаружил нетленные мощи Антония «как бы живые». От них исходило благоухание. Нифонт поспешил известить о произошедшем игумена Кирилла, который через некоторое время, при личной встрече с Патриархом Иовом, поведал ему о чудесах, происходивших у гроба преподобного Антония, и о том, что он сам видел их нетленными. Патриарх Иов послал грамоту митрополиту Новгородскому Варлааму с повелением открыть мощи преподобного. Митрополит Варлаам отправился в Антониев монастырь и вместе с братией исполнил патриаршее указание¹⁰³.

В 1600 г. игумен Вологодского Корнильева монастыря Лаврентий сообщил Патриарху Иову, что от мощей преподобного Корнилия Комельского уже много лет совершаются благодатные исцеления. Игумен прислал в Москву описание этих чудес, Житие преподобного, стихиры и канон, написанные иноком Нафаналом. Патриарх совместно с собором духовенства обра-

тился к Вологодскому архиепископу Ионе с просьбой подтвердить донесение игумена обители. Преосвященный Иона не только подтвердил достоверность сообщения, но дополнительно рассказал о том, что преподобному Корнилию давно уже совершают службу и в основанной им обители, и в Вологде, и во всей Вологодской земле. После этого Патриарх Иов соборно определил праздновать преподобному Корнилию Комельскому 19 мая. На соборе были рассмотрены Житие, стихиры и канон святому и решено, что они составлены «по образу и по подобию, якож и прочим святым»¹⁰⁴.

По благословению Патриарха Иова в 1591 г. были перенесены из Тверского Отроча монастыря в Соловецкий Преображенский мощи Свяtitеля Филиппа, Митрополита Московского, и установлено местное празднование его памяти 9 января¹⁰⁵. В 1592 г. были перенесены мощи Свяtitеля Германа, второго Казанского архиепископа, из Москвы, где он скончался в 1567 г. во время моровой язвы и был погребен в церкви Свяtitеля Николая Чудотворца, в Свяжжский Богородицкий монастырь, им основанный; празднование ему стали совершать 6 ноября. В том же году, в январе, митрополит Гермоген направил грамоту Патриарху Иову, в которой говорилось, что в Казани не совершалось особого поминовения русских воинов, погибших за веру под Казанью и в ее окрестностях. Митрополит Гермоген просил Святейшего Патриарха установить для этого какой-либо день. В этой же грамоте упоминалось о трех мучениках, пострадавших за веру Христову; один из них, Иоанн, был русским, родом из Нижнего Новгорода, он был пленен татарами; двое других, Стефан и Петр, были из новообращенных татар. Казанский митрополит выражал скорбь в связи с тем, что имена этих мучеников не вписаны в синодик, читаемый в Неделю Православия, и что по ним не совершаются панихиды. 25 февраля Патриарх Иов написал ответную грамоту, в которой указывал, чтобы во всей Казанской митрополии в храмах совершались панихиды по православным воинам, убиенным под Казанью, в субботу после Покрова Пресвятой Богородицы, и их имена вписаны в большой синодик, который читается в Неделю Православия. В этой же грамоте Свяtitелем Иовом повелевалось вписать в упомянутый синодик и трех Казанских мучеников, а день их поминовения благословлял назначить самому митрополиту Гермогену. Казанский архиепископ объявил по всем храмам и монастырям Казанской епархии Патриаршей указ и повелел 24 января поминать на панихидах, литиях и литургиях трех Казанских мучеников — Иоанна, Стефана и Петра¹⁰⁶.

В правление Святейшего Патриарха Иова Русской Церковью к лику святых были причислены также блаженный Иоанн Московский, юродивый (1589), преподобные Игнатий Вологодский (1592) и Мартирий Зеленецкий (1603). Кроме того, Вологодский архиепископ Иона, по благословению Патриарха, составил новое Житие, на основании прежних, святого Александра Невского и похвальное слово. Воевода Семен Олферьев и инок Сергей написали, также по благословению Патриарха Иова, службу благоверному князю Московскому Даниилу. Инок Болдинского Герасимова монастыря Филофей Пирогов составил в конце XVI в. канон преподобному Нилу Столобенскому и Житие, на основании записок о нем иеромонаха Никольского Рожковского монастыря Германа¹⁰⁷. С прославлением перечисленных угодников Божиих значительно пополнился круг церковных праздников.

Еще одним важным мероприятием Патриарха Иова в деле укрепления на Руси Православия следует считать его участие в строительстве храмов и монастырей. В исполнении этого святого дела сам Патриарх являл образец бескорыстия и благодеяния: все свои «келейные» деньги, накопившиеся у него от пошлин, богатых царских милостынь и других доходов, он употреблял на помощь ближним и на строительство храмов. В своей духовной грамоте Первосвяtitель признается, что жертвовал собранные средства на «церковное соружение великих трех Свяtitелей и Чудотворцев, Петра, и Алексия, и Ионы, что на нашем Патриаршем дворе на сенех, в каменное церковное и келейное и дворовое дело... денежною казною строил домовые села Пречистая Богородицы, которая запустели преж нас... и в тех селех яз смиренный соружал церкви, и ставил наши Патриарши дворы...»¹⁰⁸. Отметим, что только за период с 1592 по 1600 г. в Москве было построено 12 храмов¹⁰⁹. Наряду с большим количеством церквей, построенных в конце XVI в. на территориях, вошедших в то время в состав русских земель (Казанское и Астраханское ханства, Сибирь и другие регионы), было воздвигнуто множество монастырей.

В 1591 г. в Россию вторглись полчища крымского хана Казы-Гирея, целью которого был захват Москвы. Вместе с огромным количеством пеших войск к столице приближалось около 100 тыс. всадников. Патриарх Иов вручил царю чудотворную Донскую икону Божией Матери, которая некогда спутствовала благоверному князю Димитрию и русским воинам в их битве на Куликовом поле, с тем, чтобы с молебнами обнесли ее вокруг стен Москвы и поставили в шатре, в котором была походная церковь во имя Преподобного Сергия Радонежского. В начале июля у стен Данилова монастыря, недалеко от Москвы, разгорелась решающая битва. По словам Патриарха Иова, описавшего сражение в «Житии царя Феодора», и днем и «в ночь со всех стен градных из великих огнедыхающих пушек непрестанно стреляху и изо всех обителей, иже близ царствующего града Москвы, также непрестанно стреляли...» В страхе перед новым

нападением татары ночью «бежаху и друг друга топтаху»¹¹⁰. В память о победе русских войск на том месте, где стоял походный храм с чтимой Донской иконой Богоматери, в том же году по благословению Патриарха Иова был заложен Донской монастырь. В Москве в конце XVI в. были также основаны два женских монастыря — Зачатьевский и Ивановский.

В областях, непосредственно подчиненных Патриарху, были воздвигнуты Лукианова пустынь во Владимирской епархии (1594) и Богоявленский Слободской монастырь в Вятской епархии (1599). Последний был устроен по просьбе всех жителей и по благословению Патриарха Иова. Сохранилась патриаршая грамота слободскому земскому старосте о строительстве этого монастыря¹¹¹. В пределах Курской епархии основаны три монастыря недалеко от Курска: Коренная, в честь Рождества Пресвятой Богородицы, пустынь (1597), Белгородский Николаевский (1599) и в самом Курске — Троицкий (в начале XVII в. строителем Ионою Темкою). В Сибири открылись Березовский, Енисейский-Спасский, Николаевский-Верхотурский и Тобольский монастыри. В других епархиях, также по благословению Предстоятеля Русской Церкви, были основаны: преподобным Антонием Леохновским в 50 верстах от Новгорода Антониев монастырь; преподобным Евфросином в 60 верстах от Устюжны Синеозерская Благовещенская пустынь (1603); в 1597 г. возобновлен разрушенный шведами Валаамский монастырь; в Псковской епархии — Троицкий Торопецкий монастырь (1592); в Казани (конец XVI в.) два — Иоанно-Предтеченский и Феодоровский-Троицкий; в Астрахани — Спасо-Преображенский (1597); в Тверской епархии — Нилво-Столобенский (1594); в Вологодской — Горний Успенский, женский (1590), Игнатиевский (1592), преподобным Галактионом — Галактионова пустынь (конец XVI в.), Тиксенская Спасова, в честь Нерукотворенного образа, пустынь (1603)¹¹².

В сфере государственной Патриарху Иову суждено было не только стать свидетелем и переживать тяжелые времена междоусобий, кризисов государственной власти, страшного голода, постигавшего страну несколько раз вследствие неурожая, но и самому участвовать в этих событиях, иногда даже принимать важные решения, относившиеся скорее к сфере гражданской, чем к церковной. Уже через несколько лет после интронизации Патриарх Иов в своей духовной, или, как иногда она еще называется, прощальной, грамоте писал: «Вестъ же Бог, в колико рыдание и слезы впадох, отнежегъ възде на мя сан Святительства, ово немощи ради своя, понеже не имущу ми довола духовнаго, иноже о бедахъ человеческихъ паствы мояя много болезновах, и лютыми напастьми погружаемъ бых... И всяко вешемъ сопротивное нападе на мя озлоблене и клеветы, укоризны, рыданияж и слезы, сия убо вся мене смиреннаго достигоша»¹¹³. Историки отмечают, что, хотя с Патриархом нередко советовались в области государственных дел и даже побуждали его принимать окончательные решения по некоторым важным вопросам, сам Святитель Иов старался устранять от гражданских дел, четко определяя сферы церковной и гражданской компетенции. Усматривая нестроения в мире, он, по выражению жизнеописателя, «токмо ко Господу Богу единому взирал, ниву ту недобрую слезами орошая»¹¹⁴. Святейший Патриарх Иов, как повествует тот же источник, «вся лютая видев в земли Российстей деемая, день и ночь со слезами непрестанно в молитвахъ предстоая в церкви Божии, и в келии своей непрестанно молебные пения соборомъ поя с плачемъ и с великимъ рыданиемъ и со многими слезами, такожде и народъ с плачемъ моля, дабы престали отъ всякаго злаго дела...»¹¹⁵. В этом молитвенном подвиге за судьбу и благополучие Родины нет внутреннего противоречия. Патриарх Русской Церкви и народа Божия видел и сердцем чувствовал духовное состояние своих пасомых. Настало время, и он не только мужественно противостал измене и малодушию, но и первым самоотверженно засвидетельствовал нещетность и несуетность своих молитв пред Богом, а в роковую для Отечества минуту все, и малые и великие, услышали обращенный к их совести твердый и исполненный решимости отеческий голос, призывавший прекратить внутренние распри и единодушно стать на защиту Православия от коварных врагов.

Участие Патриарха в некоторых событиях, которые до сих пор служат предметом споров и недоумений (загадочная смерть царевича Дмитрия и восшествие Бориса Годунова на престол), послужило поводом для некоторых гражданских историков (Карамзин, Шербаков и др.) к обвинению Патриарха Иова в неискренности действий. Оставим эти утверждения на совести авторов подобных суждений. Не вдаваясь в подробности вышеназванных историй, сошлемся на авторитетных исследователей, полностью опровергающих и доказывающих несостоятельность этого обвинения¹¹⁶.

Действия первого русского Патриарха в одну из самых тяжелых годин в истории России — в эпоху смуты и узурпации власти Лжедмитрием — свидетельствуют о том, насколько Святитель Иов был далек от человекоугодничества и потворства лжеправителям, если дело требовало сохранения Православия, Русской Церкви и истинной веры.

4. МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Одним из плодотворнейших направлений в деятельности Святейшего Патриарха Иова была его забота о просвещении народов как далеких от христианства, так и собратьев, находившихся под гнетом иноверцев. Миссионерская деятельность Святителя Иова заслуживает

особого внимания, ибо в ней наиболее отчетливо проявились качества первого русского Патриарха как истового служителя Церкви, внимательного пастыря, тревожившегося о бедственном положении народов, находившихся в духовном неведении.

Первым, кому русский Патриарх протянул руку помощи, был грузинский народ. Еще в конце XV в. Иверский князь просил помощи у великого князя Московского в его борьбе с персами. В те времена Московскому князю еще трудно было оказать действительную помощь единоплеменному народу Грузии. К середине XVI в. положение грузинского народа еще более ухудшилось: находясь под владичеством Персии, постоянно испытывая набеги турок, переноса от тех и других врагов гонения за христианскую веру, он утратил древнюю чистоту ее. Доведенный жестокими врагами до скорбного состояния, грузинский царь Александр в конце 1586 г. обратился к царю Феодору Иоанновичу с тем, чтобы он принял Грузию под свое покровительство. Царь Феодор дал свое согласие, и тогда в 1588 г. Александр вновь обратился в Москву, на этот раз к Предстоятелю Русской Церкви Святителю Иову, с просьбой ходатайствовать перед русским государем о поддержке Грузии и Грузинской Православной Церкви. Он просил Митрополита Иова прислать в Грузию «для исправления православная веры христианския учительных людей»¹¹⁷. В ответ Преосвященный Иов писал, что русский царь «землю твою Иверскую взял в свое царское достояние под свою руку. Мы же царю усердно, с желанием, о тебе вспоминали. И благодетельный царь по твоему прошению и молению тебя пожаловал»¹¹⁸. Митрополит Иов обратил внимание Феодора Иоанновича на внутреннее расстройство Грузинской Церкви. Ссылаясь на рассказы грузинских послов, он обрисовал царю бедственное положение их Церкви: духовенство забыло уставы Вселенских Соборов и святые обряды богослужения, храмы запустели и лишились своего благолепия¹¹⁹. Русская Церковь отозвалась на призыв братьев во вере: в Грузию были отправлены два монаха Троице-Сергиева монастыря — соборный старец Захей и иеромонах Иосиф, а также два священнослужителя из московского Чудова монастыря. Им было поручено заняться исправлением обрядовой стороны Грузинской Церкви. Дополнительно были посланы еще и три иконописца для воссоздания благолепия древних грузинских храмов. С ними Предстоятель Русской Церкви отправил в подарок братской Церкви несколько икон, которые, по словам царя Александра, были приняты в Грузии, «как Моисей принимал богописанный закон»¹²⁰.

В послании к Александру (апрель 1589) Патриарх Иов прежде всего напомнил грузинскому царю Никою-Цареградский Символ веры и далее объяснил его: «Вот чистое и непорочное исповедание нашей веры. Так и ты, сын мой, мудрствуй и веруй по преданию Святой Божией Соборной и Апостольской Церкви, и от нее принимай благочестие... храни со всяким тщанием и всеми силами заповеди Господни, потому что с тебя, как с начальника, больше всех взыщется. Внимай, чтоб не быть тебе только слушателем, но и творцом добрых досточудных деяний. Помни слова Господа: Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам. Мне хочется просветить ваше недоумение благочестием, ибо слышу, что Церковь Христова у вас попирается развращенными. Не знаю, как возникли у вас соблазны и смутили вас. Но поревнуй, сын мой, по слову Господа, некогда рекшего: Жалость дому Твоего снеть мя. Да и найдется ли кто-нибудь от благоверных и благородных, которого бы не подвигла жалость при виде мятущейся Церкви Божией, при виде винограда, насажденного Богом, который опустошают мимоходящие? Ужели чье-нибудь сердце не умилился и не прольет он слез при виде разорения Церкви Божией? Нам, православным, нужно в непорочности хранить заповеди Господни и Апостольские, и ими мы избавимся от всякого еретического ухищрения и сподобимся достигнуть вечной славы. Мне нельзя всего преподавать тебе; и пишу я для того, чтобы предостеречь тебя, ибо в настоящее время во многих странах разгорелся великий пламень злоститых ересей, так что даже и Триединого Божества коснутся дерзают. Но не устоит сено против огня: так исчезнут вскоре и погибнут и все еретики, как исчезли их начальники. Ты же, сын мой, вооружи сердце твое, наполняйся Духа Божия, мужайся и крепись, стань твердо против врагов Божиих, как добрый воин Христов»¹²¹. В этих словах, как видим, заключены не только советы вероучительного и нравственного характера. В них, пожалуй, с наибольшей духовной силой раскрывается богословская полнота и зрелая опытность русского Первоиерарха, который не просто советует, но и искренне соболезнует братьям во Христе, указывает путь к духовной победе.

В другом послании, по объему превосходящем первое, адресованном грузинскому митрополиту Николаю, Патриарх Иов передает свое благословение всему освященному собору земли Иверской, уведомляет об отправке из Москвы в Грузию «учительных людей» по просьбе их царя и говорит: «Знаем вас изначала, Божиею благодатью, христианами; но не ведаем, откуда возникли у вас соблазны, так что ныне вы не во всем вполне держите христианскую веру и в немногом разделяетесь от нас. Внимайте же прилежно, в чем состоит истинная благочестивая вера». Текст послания можно условно разделить на несколько частей. В первой излагается учение о преданиях Церкви, во второй — о еретиках, в третьей — об иночестве, в четвертой — о священстве, в пятой — о соблюдении заповедей и нравственности, в шестой — о протестантах и латинянах, в седьмой, последней, — о задачах пастыря. Митрополит Макарий выявил

источники, которыми пользовался Патриарх Иов при написании своего послания; это — «Изборник» Митрополита Даниила, «Слова» болгарского пресвитера Козмы и «Просветитель» преподобного Иосифа Волоколамского¹²².

В послании Патриарх Иов уговаривает архипастырей и пастырей православной Грузии подражать святым апостолам и святым отцам, убеждает их быть пастырями добрыми, готовыми положить свои души за своих духовных овец, пасти их с ревностью и любовью, охранять от ересей и от всякого зла, напоминает им о страшной ответственности их перед Богом. Завершая послание, он посылает свое патриаршее благословение митрополиту и всему освещенному собору Иверской земли с их православной пастырь¹²³. Послание митрополиту Николаю является образцом проповеднического жанра. Нашему взору открывается не просто один из «самых образованных книжников своего времени»¹²⁴, но пастырь, насыщенный огромным духовным опытом, истинный служитель Церкви, наделенный такими качествами, как чистота и непоколебимость веры, бескомпромиссность в вопросах вероучения, ясность ума и благодатный дар действенного слова. Послание многое объясняет в образе мышления, поступках и делах Патриарха Иова; в нем отображена «программа» внешней и внутренней жизни как самого Первосвященителя, так и любого священнослужителя, призванного Богом на эту стезю.

Через год царь Александр прислал Феодору Иоанновичу еще одно письмо, в котором просил прислать новых иконописцев. В Грузии издавна запустели некоторые храмы и живопись в них испортилась, писал он, а присланные из России иконописцы говорят, что не в силах одни исправить живопись, и «вам бы пожаловати прислати трех иконников гораздых»¹²⁵. До самых «смутных» дней 1604—1605 гг. Святейший Патриарх Иов с великой любовью оказывал Грузинской Церкви всестороннюю братскую помощь¹²⁶.

Забываясь об укреплении христианства в Грузии, взятой под духовное покровительство России, Патриарх Иов не забывал о землях, присоединенных к Московскому государству уже сравнительно давно, но требовавших еще большего внимания со стороны Русской Церкви: это, прежде всего, Казанские и Астраханские земли, Сибирь и Карелия.

После взятия Казани Иоанном Грозным¹²⁷ русскими поселенцами на протяжении второй половины XVI в. строились города и крепости на территории Казанского ханства. Побережье Волги и Камы, Оки и Суры, земли черемисов, вотяков, а также Башкирии, подчиненные Московскому государю, консолидировались единством Церкви. На присоединенных к России землях было построено множество православных храмов¹²⁸. Однако после кончины просветителей Казанских — святителей Гурия (†1564), Германа (†1567) и Варсонофия (†1576) епархия испытывала крайние трудности. Нужны были новые меры для упрочения христианства на этих землях. В 1593 г. митрополит Казанский Гермоген направил царю и Патриарху послание, в котором выражал сожаление в связи с тем, что новокрещенные татары в Казанском и Свияжском краях отходили от христианской веры. Митрополит Гермоген извещал также, что все доступные меры им были приняты: в 1591 г. он созывал всех новокрещенных в Казань в соборную церковь Пречистой Богородицы, поучал их в продолжение нескольких дней, убеждал, рассказывал, как подобает жить христианам. Новокрещенные, жаловался архиерей, не хотели усваивать Евангельское слово; иноверное казанское население, видя в новокрещенных неверие, также отказывалось принимать православную веру, нередко глумилось над ней. Причиной этих бедствий митрополит Гермоген считал то, что новообращенные жили не с христианами, а с неверными и храмов Божиих вблизи от себя не имели. В то же время Преосвященный Гермоген писал, что многие русские, общаясь с некрещенными татарами, черемисами и чувашами, вместе с ними питались и вступали в браки. Вследствие такого сближения многие из них отпали от христианской веры и приняли магометанство, а некоторая часть русского населения, жившая в слободах и деревнях вместе с немцами, добровольно или за деньги перешла в католичество и лютеранство¹²⁹.

Получив такие прискорбные известия, царь и Патриарх 18 июля 1593 г. направили казанским воеводам приказ, которым предусматривалось переписать имена всех новокрещенных с их женами, детьми и слугами; созвать их в Казань и объяснить, что они крещены по их собственной воле и что все они дали обещание жить в православной вере, а к прежней, мусульманской, не обращаться. Кроме того, приказывалось устроить в Казани для новокрещенных особую слободу с церковью и с полным причтом; поселение это должно было располагаться вдали от татар, среди русского населения; воеводам поручалось наблюдать за новокрещенными: «держат ли они христианскую веру, ходят ли в церковь Божию, носят ли на себе кресты, имеют ли у себя иконы, призывают ли священников для исправления треб, отпевают ли умерших в церкви, совершают ли браки с русскими». Воеводам приказывалось для наставлений и поучений чаще отсылать новокрещенных к митрополиту Гермогену, на непослушных рекомендовалось накладывать епитимии. Относительно русских людей, добровольно или по найму служивших у татар или немцев, приказано возвратить или выкупить их царскими деньгами и поселить в посадах, а пашенных крестьян помещать в дворянских селах и деревнях, чтобы они, живя с русскими, снова вернулись в Православие; немцам же и тарам повелевалось в будущем русское население к себе на жительство и на службу не принимать¹³⁰. Таковы были

совместные меры Русской Церкви и государственной власти, направленные на сохранение чистоты православной веры в новых обширных регионах Русского государства.

Однако исполнить этот наказ Патриарха Иова и царя Феодора Иоанновича было не так просто. Митрополиту Гермогену пришлось бороться не только с магометанством и язычеством кочевых племен, но и с отступничеством. Благодаря неутомимой ревности Казанского архипастыря был достигнут некоторый прогресс: население Казанского края, в состав которого входили земли, орошаемые реками Иетью и Казанкой, впадавшими в Волгу, постепенно обрусело и носило православные имена. Особенно успешношло дело в тех районах Поволжья, где священникам-миссионерам помогали православные крестьяне, приехавшие из центральной части России¹³¹. В конце XVI — начале XVII в. здесь было много новых церквей¹³². Усиленное культурное и религиозное движение сразу оживило весь край, лежавший между Волгой, Камой и Вяткой. Отсюда христианство продолжало активно распространяться в других направлениях¹³³.

Судя по послесловиям богослужебных книг, изданных в этот период, Патриарх Иов особенно заботился о том, чтобы они рассылались в новопросвещенные земли и через них распространялись истины веры¹³⁴. С этой же целью митрополит Гермоген, по благословению Патриарха Иова, написал повесть о Казанской иконе Божией Матери¹³⁵ и Житие первых святителей Казанских Гурия и Варсонофия¹³⁶.

Другое бывшее мусульманское ханство, Астраханское, требовало не меньшей заботы со стороны Московского Первоиерарха. Вначале Астраханская земля, в гражданском и церковном отношении, была присоединена к Казани. В 90-е гг. Астрахань по-прежнему входила в состав Казанской епархии и находилась в ведении митрополита Гермогена. Между тем интересы Церкви и государства подсказывали иное. Одному архиерею было очень трудно следить за новокрещеным населением такой обширной епархии. В Москве это прекрасно понимали, как понимали и то, что укрепление этого отдаленного края Московского государства не только военными крепостями, но и силой христианского просвещения обеспечивало внутреннее и внешнее спокойствие как русскому правительству, так и Православной Церкви.

В 1602 г. Патриарх Иов благословил игумену астраханского Троицкого монастыря Феодосию освятить каменный собор во Имя Пресвятой Троицы. Это был отнюдь не первый храм одного из самых далеких от Москвы русских городов¹³⁷. После освящения собора, по обычаю, Феодосий отправился в Москву со святой водой. Эта дальняя поездка, несомненно, ускорила открытие Астраханской епархии. Игумен Троицкого монастыря мог лично подтвердить Патриарху, насколько велика была нужда пастырей и паствы, находившихся за сотни верст от епархиального центра, в создании особой Астраханской епархии с кафедрой в городе Астрахани. На нее в конце 1602 или начале 1603 г. и был посвящен игумен Феодосий¹³⁸. В состав Астраханской епархии включены города Саратов, Царицын, Самара. С этого времени начала свое историческое бытие седьмая архиепископия Русской Церкви. Насколько Патриарх Иов не ошибся в выборе Астраханского архиерея, показала дальнейшая история. Архиепископ Феодосий во время правления Лжедмитрия засвидетельствовал свою любовь к Православию и истинный патриотизм.

Присоединение Сибири, продолженное при Феодоре-Иоанновиче основанием некоторых городов (Тюмени, Тобольска, Тавора, Сургута, Тары, Обдорска) и расселением русских по бассейнам рек Туры, Пышмы, Исети, Тавды, Тобола, Иртыша, Оби, Енисея и других рек, требовало больших усилий Московского Патриархата в деле христианского просвещения новоприобретенных земель. Вехами миссионерского пути сибирских первопроходцев служили построенные часовни, церкви и монастыри. Один из исследователей Сибири отмечает, что общим правилом для русских поселенцев было: где зимовье ясачное — там и крест или впоследствии часовня; где водворение крепостное — там церковь и пушка; где город — там правление воеводское, снаряд огнестрельный и монастырь, кроме церкви¹³⁹. При основании города или острога прежде всего строилась церковь. Поначалу Сибирь входила в состав Патриаршей области и подлежала ведению самого Патриарха¹⁴⁰. Он направлял священников и с ними антиминсы для новооткрытых церквей. В Тюмени в самое короткое время были построены Спасская церковь (1586), Богородицкая (1600) и Борисоглебская (1601); в Тобольске — четыре: Троицкая (1587), Спасская (1587), Вознесенская (1601), и Никольская (1602); в Верхотурье — Троицкая (1598); в Таворах в 1592 г. по благословению Патриарха и указу Феодора Иоанновича была основана церковь, для которой отправлены были священник из Перми и диакон из Ростова, иконы, колокола, церковная утварь, воск, ладан; в Пельме — Рождественская церковь с Никольским приделом (1592); в Туринске — Борисоглебская (1600). Были открыты храмы в Мангазее, Березове, селе Коде¹⁴¹. Кроме того, были открыты, как уже упоминалось, монастыри: Знаменский (1578) и Зосимо-Савватиевский (1601) в Тобольске, Покровский, Туринский и Николаевский (последний основан монахом Ионой из Пошехонья в 1604 г.) — в Верхотурье; Рождественский — в Тагиле, Введенский — на реке Нейве и др.¹⁴².

Постройка храмов и монастырей была единственным средством христианского просвещения язычников, населявших эти земли. Во всех городах и острогах управляли воеводы,

совмещавшие в себе светскую и административно-церковную власть. Они сообщали в Москву о положении дел на местах, включая в донесения как гражданские, так и церковные вопросы. Так, например, известна переписка царя Бориса Феодоровича с тюменским головой Федором Яновым (1600), в которой Янов просил построить в Епанчине, по желанию «служилых и пашенных» людей, храм во имя святых мучеников Бориса и Глеба. В ответ на эту просьбу из Москвы Патриархом были посланы с иноком Авраамием не только разрешение на постройку храма, но и антиминс, святое миро и масло, несколько икон, церковные сосуды, медное копие и звездаца, крест, кадило, диако́нские и священнические ризы, богослужебные книги: Евангелие (рукописное), печатные Октоих, Апостол, Псалтирь, Служебник, Часослов, Минейя Общая, Триодь Постная и Триодь Цветная, рукописный Трефологион; были направлены туда священник из Верхотурья и диакон из Перми¹⁴³.

Известна также и другая грамота, посланная царем верхотурскому воеводе, — об отпуске иеромонаху Ионе леса на постройку в Верхотурье монастыря. Борис Годунов, с ведома и согласия Патриарха Иова, предписывал своим боярам, чтобы они не требовали с Ионы «заемного лесу» и на церковное строение выдавали требуемое количество древесины¹⁴⁴. Живая нить патриаршего благословения не прерывалась и в дальнейшем. В 1602 г. из Москвы в Верхотурье были отправлены девять икон, Царские врата, запрестольные иконы Божией Матери и святителя Пермского Стефана, колокол и печатная Минейя. Через несколько лет верхотурскому воеводе Плещееву вновь были отправлены богослужебные книги¹⁴⁵.

По всей Сибири развернулась миссионерская деятельность русских священнослужителей, в результате чего многие коренные жители Сибири получили благодать святого Крещения. О снисходительном отношении к новообращенным сибирякам свидетельствует грамота царя тому же верхотурскому воеводе, которому приказывалось давать новокрещенным царское жалование, беспрепятственно записывать на царскую службу и оплачивать их труды наравне с русскими стрельцами¹⁴⁶. Интересна судьба семьи князя Игичей из Сибирского Кандинского княжества. Один из его сыновей, приехав в Москву, принял Крещение и наречен был Петром. После него крестился в Москве и сам Игичей. В 1602 г. в Коде он поставил храм во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Через год принял христианство и другой сын Игичей Михаил¹⁴⁷.

Крещение Сибири, начавшееся при Святейшем Патриархе Иове, стало вместе и важным государственным событием. Это означало, что Православие, а вместе с ним и Русское государство, распространялось на тысячи километров от Москвы.

Повествование о миссионерской деятельности Патриарха Иова было бы неполным без рассказа о заботах Первосвященителя над возрождением христианства на севере Русского государства. В Карелии, которую в 1583 г. Россия вынуждена была уступить Швеции, Православие, огромными трудами русских иноков на протяжении нескольких столетий укоренившееся в этих землях, подвергалось тяжким притеснениям. Кроме того, Швеция, заняв Нарву, перерезала главную торговую артерию, связывавшую Россию с Западной Европой по кратчайшим морским дорогам Балтики¹⁴⁸.

В 1590 г. русское войско под предводительством царя Феодора Иоанновича выступило против шведского короля. Сильная русская армия один за другим стала освобождать города Ям, Копорье, Иван-город, Нарву¹⁴⁹. Феодор Иоаннович, как пишет Патриарх Иов в его житии, «повелел все эти города от всяких еллинских богомерзких гнусов очистить и Божественные церкви в них поставляти»¹⁵⁰. Духовенство с крестами и чтимыми иконами встретило возвращающуюся армию. После благодарственного молебна Патриарх Иов произнес речь, в которой приветствовал государя как освободителя от неверных «древняго достояния России» и восстановителя алтарей Божиих, разрушенных иноверцами¹⁵¹. Через несколько лет шведы опять вторглись в Россию, но были вновь разбиты русскими. В 1595 г. Россия овладела всей Карельской областью. Как повествует Патриарх Иов, царь отправил туда своих бояр и велел «тамо капища еллинская разорити и идолы сокрушити, и святыя церкви воздвизати, и пречистыя великия обители устроить»¹⁵². В том же году Святейший Патриарх учредил новую Карельскую епархию и назначил архипастыря — епископа Сильвестра¹⁵³. Начались работы по восстановлению храмов и монастырей, разрушенных захватчиками. Одним из первых в 1597 г. был восстановлен Валаамский монастырь¹⁵⁴. К концу XVI в. по беломорским и карельским берегам на реках Унежме, Вирме, Сороке, Выге, Суме, Шуе, Кемь, Керети, Варзухе и в других местах стояло много церквей¹⁵⁵.

В начале XVII ст. шведы, воспользовавшись тяжелым внутригосударственным кризисом России, вновь овладели Карелией. В 1611 г. Карельская епархия была упразднена. Однако о силе укоренившегося там Православия при Патриархе Иове свидетельствует тот факт, что, несмотря на страшное надругательство над православными святынями, гонения на православных жителей со стороны шведских захватчиков¹⁵⁶, в течение всего XVII в. дух Православия там сохранился: находились люди, которые восстанавливали разрушенные храмы, были и священники, не оставившие свою паству в стане врагов¹⁵⁷.

Миссионерская деятельность Патриарха Иова была настолько многогранной и плодотвор-

ной, что вполне достойна отдельного исследования. Семена Православия, посеянные в период его Патриаршества, не были исторгнуты и в тяжелейшие годы интервенции, а в дальнейшем принесли свои духовные плоды, благодаря которым сохранились и упрочились северные пределы Русского государства.

5. ПАТРИОТИЗМ

Прежде чем осветить патриотическую деятельность первого русского Патриарха, следует отметить, что все поведение Святителю Иова — от первого известия о появлении Лжедмитрия до последнего дня первосвятительского служения — отличается строгой последовательностью, принципиальностью, истинно христианским терпением, бесстрашием. Отечественная история сохранила мало подобных имен, кто бы так же, как Патриарх Иов, в дни тяжелейших испытаний, в дни проверки человека на прочность его веры, на твердость его позиции как гражданина, на силу его нравственной сущности не растерял бы ничего, не сделал и шага в сторону соглашений с врагами страны и Церкви, не попытался уйти от ответственности, от молчания или укрыться в затворе. Все действия Патриарха были примером того, как можно в самых, казалось бы, невероятных условиях сохранить единство слова и дела, веры и поступка.

Начало XVII в. для Русского государства было тяжелым временем: обострились противоречия между царем Борисом Годуновым, венчавшимся на царство после смерти Феодора в 1598 г., и высшей знатью — боярами и дворянами. Не менее напряженным было положение и в народной среде: на Дону, постоянно пополняемые беглыми крестьянами, скапливались казаки, которые танили в себе силу, готовую взорваться при каждой новой попытке правительства стеснить казачью волюницу. Обострившиеся социальные процессы усугубились природными бедствиями. Затянувшиеся дожди холодного лета 1601 г. помешали созреванию хлебов. Крестьяне использовали незрелые «зяблые» семена, чтобы засеять озимь. В результате хлеб на полях дал очень плохие всходы, которые погибли от морозов зимы 1602 г. В следующем году крестьянам нечем было засеивать поля. В Россию пришел страшный голод¹⁵⁸.

В народе возникло убеждение, что царствование Бориса Годунова не благословлено Богом, если с приходом его к власти страну постигло такое несчастье. Крестьяне в поисках пищи собирались в шайки; в разных уголках России появились разбойничьи группы. Царь Борис посылал дворянские отряды против «разбоев» в Коломну, Волоколамск, Можайск, Вязьму, Медынь и другие уезды¹⁵⁹. Около Москвы особенно активизировался атаман Хлопок. Вся страна была наполнена слухами: о Борисе говорили, что он «уморил» царя Феодора Иоанновича, отравил царицу Ирину (свою родную сестру) и загубил их ребенка и свою племянницу Феодосию, до этого организовал убийство царевича Димитрия, сжег Москву, чтобы отвлечь внимание царя и столичного общества от угличского злодеяния, обманом и интригами венчался на царство¹⁶⁰.

Вполне понятно, что в сложившейся ситуации известие о существовании самозванца, выдававшего себя за царевича Димитрия, упало на почву не самую благоприятную. Однако подоплека мрачного периода самозванщины скрывалась значительно глубже и созревала не внутри России, а за ее пределами.

Человек, назвавший себя сыном Ивана Грозного, оказался Юрием Отрепьевым (в иночестве Григорий). Его последним прибежищем в России был Чудов монастырь, где молодой монах занимался «книжным делом»¹⁶¹. Своим приятелям-монахам, сопровождавшим самозванца в его побеге из Москвы в Польшу, Григорий похвально: «Патриарх-де, видя мое досужество, и учал на царскую думу вверх с собою меня имати, и в славу-де (я) шшел великую»¹⁶². В действительности все было наоборот: по одной версии — за приверженность к «латынской» вере¹⁶³, по другой — за чернокнижие и еретичество¹⁶⁴, Патриарх Иов удалил Отрепьева в монастырь до особого распоряжения. Не дожидаясь решения о своей участи, Григорий сбежал. Вместе со своими спутниками самозванец провел некоторое время в Киеве. Игумен Киево-Печерской Лавры, где некоторое время прожили беглецы и где Отрепьев на исповеди священнику объявил о своем «царском» происхождении, быстро распознал Григория и прогнал его. «Четыре-де вас пришло, — сказал он, — четверо и подите»¹⁶⁵. Летом 1602 г. беглецы оказались в Остроге, а после него — в Дерманском монастыре. Здесь Григорий также попытался назваться «царевичем Димитрием». Однако попытки авантюриста найти поддержку у православного духовенства в Киеве и Литве потерпели полную неудачу¹⁶⁶. С этого момента Отрепьев сбрасывает с себя монашеское одеяние. Следы его вскоре обнаружили на Волыни, в Гоше, в семействе пана Габриэля Хойского, у которого он служил на кухне. Хойский и его сын Роман в созданных ими школах проповедовали арианскую ересь: они не признавали Святой Троицы, в Иисусе Христе видели «боговдохновенного человека», христианские догматы и таинства понимали иноказательно. Здесь самозванец получил уроки польского либерального воспитания и заразился духом протестантизма и религиозного индифферентизма, который впоследствии не смогли из него выветрить даже иезуиты¹⁶⁷.

В 1603 г. Лжедмитрий поступил на службу к князю Адаму Вишневецкому, который неожиданно поддержал версию Отрепьева. По приказу короля Сигизмунда III Вишневецкий

подробно допросил самозванца. По мнению современного историка «исповедь» (кстати, до сих пор еще не переведенная на русский язык) Лжедмитрия выглядит неловкой импровизацией и невольно обличает его самозванство¹⁶⁸. Значит, с первых же дней пребывания Отрепьева в Польше правительство знало об обмане и пользовалось его именем для своих захватнических целей. Через некоторое время королевская знать устроила несколько показательных очных ставок с лицами из России, которые «подтвердили» «царское» происхождение Отрепьева. В Кракове Лжедмитрия стали обрабатывать иезуиты. Почувствовав в них силу, Отрепьев дал согласие принять католичество: папский нунций Рангони совершил миропомазание. Король Сигизмунд III назначил Лжедмитрию оклад в 40 тыс. золотыми в год; за это он взял обязательство с Отрепьева, что по воцелении на русский престол тот возвратит Польше Смоленск, разрешит ставить по всей Русской земле костелы, поможет Сигизмунду захватить Швецию и множество других требований. Самозванец с готовностью обещал выполнить все, что от него требовали¹⁶⁹. Иезуиты увидели, что им предоставляется самый удобный путь к осуществлению заветных целей Римского престола — подчинить Русскую Церковь папскому владычеству. Интересно, что знаменитый иезуит Антонио Пассевино пристально следил из Италии за событиями в России и Польше. Сохранилась его большая переписка с иезуитами из окружения Лжедмитрия. В 1605 г. в Венеции появилось сочинение Б. Барецци «Повествование о чудесном завоевании отцовской власти яснейшим юношей Дмитрием». Впоследствии было доказано, что автором этой книги был Пассевино, с радостью в ней приветствовавший открытую экспансию против России¹⁷⁰.

В августе 1604 г. Лжедмитрий выехал из Самбора, богатого поместья своего будущего тестя — воеводы Юрия Мнишека, в сопровождении двух иезуитов Николая Черняковского и Андрея Лавицкого и двинулся в Россию. Самозванец начал собирать войско. Он написал грамоты московскому народу и казакам. Борис Годунов был взволнован событиями. Он отправил родного дядю Григория Отрепьева в Польшу для обличения племянника. В то же время Патриарх Иов написал соборную грамоту Киевскому князю Константину Острожскому и польскому правительству, убеждая их не потворствовать обманщику, но передать его русским. В первой грамоте он писал, что так называемый Дмитрий — беглый диакон Чудова монастыря, избегавший наказания за свои нечестивые дела; приводя факты истинной смерти царевича Дмитрия, он просил Киевского князя изловить самозванца и, во избежание кровопролития между государствами, прислать его в Россию для наказания по правилам святых отцов и соборному уложению, чтобы «от таковых злодеев и еретиков великое и пресвятое имя Господа Иисуса Христа не было хулимо и образ иноческий поруган»¹⁷¹. Обращаясь к польскому правительству, Патриарх Иов клятвенно свидетельствовал о самозванстве Отрепьева, просил не верить речам обманщика и не нарушать перемирия с Россией¹⁷².

С аналогичным посланием Борис Годунов обратился к Сигизмунду III и в Вену — к императору Австрийскому¹⁷³. Однако эти увещания Патриарха и Бориса Годунова не были услышаны, тогда как воззвания Лжедмитрия к казакам возымели свое действие. 16 октября 1604 года Лжедмитрий перешел русскую границу. Кроме донских казаков он вел с собой 3000 наемников¹⁷⁴. Самозванец разослал манифест, в котором извещал, будто он был сохранен от смерти Господом и что он идет на престол своих предков. Он убеждал всех отречься от Бориса и служить ему, «истинному царю», обещая счастье и благоденствие под своим владычеством¹⁷⁵. Хотя навстречу самозванцу были посланы войска во главе с царскими воеводами, многие города добровольно сдавались Лжедмитрию. Первым был Моравск, затем — Чернигов и Путивль¹⁷⁶, после — Рыльск, Борисов, Белгород, Валуйки, Оскол, Воронеж, Кромы, Ливны, Курск, Севск, Елец¹⁷⁷. Единственным городом, который дал отпор самозванцу, оказался Новгород-Северский. Неожиданное самоотверженное сопротивление города обескуражило Отрепьева и вызвало бурный отток наемников из войска Лжедмитрия за границу. Отрепьев спешно формировал армию из непрерывно стекавшихся к нему казаков, стрельцов и посадских людей из перешедших на его сторону городов. Таким образом, у самозванца набралось до 15 тысяч человек.

Встревоженный происходившим, Патриарх направлял из Москвы свои патриотические воззвания в полки, к боярам, воеводам и всей рати. В одном из них содержался отеческий призыв, с которым Святитель Иов «ко всем сотням об этом рассылал подлинный памяти, и наказывал, и укреплял всех памятовать Бога и крестное целование царю Борису и его семейству, и сам на себя великую клятву налагал, что он — расстрига, а не царевич Дмитрий»¹⁷⁸. В сложившихся чрезвычайных обстоятельствах Борис Годунов предложил Патриарху и всему священному собору план мобилизации, согласно которому все слуги патриаршие, святительские и монастырские, знавшие ратное дело, должны были вооружаться и вступать в ряды ополчения против самозванца, причем пояснялось: «Прежде не только слуги святителей и церкви, но даже монахи, священники и диаконы в наше время нечестивых исходили на войну, сражались храбро за Православную веру и за все христианство, не щадя проливали кровь свою; но мы того не хотим, да не опустеют храмы Божии без пения; и не престанет теплая священнослужительская молитва к Богу за воинов и страждущих в войне»¹⁷⁹. Патриарх исполнил

царскую просьбу. В начале 1605 г. войско Лжедмитрия было разбито царскими воеводами под предводительством князя Мстиславского в битве под Добрыничами. Однако нерасторопность воевод не позволила довести дело до конца. Лжедмитрий избежал плена и отступил к Путивлю. Примерно в это же самое время Патриарх Иов разослал свою новую грамоту, в которой сообщал о клятвенно-преступничестве многих русских городов и предупреждал от подобной измены в других городах: «Великий государь царь и великий князь, слыша толкое клятвенное и крестное целованья преступленье и скорое и нечаемое нахождение литовских людей на Российскую державу, прося у Бога помощи и у Пречистия Богородицы и у великих чудотворцев и у всех святых, послали своих государевых бояря и воевод, князя Феодора Ивановича Мстиславского с товарищи в Северские города, а с ними послали великую рать свою, а велели против литовских людей с Божиею помощию, за святая Божия церкви, и за честная иконы, и за нашу святую благочестивую христианскую веру, и за свое царское самодержавство, Богом порученное ему Российскаго царства, стояти храбрски и мужески... И ныне благословляем... в монастыри игуменом и по святым Божьим церквам разослать свои грамоты с поручением и с духовным наказаньем, и велел бы еси созвати соборную церковь игуменов, и протопопов, и попов, и дяконов, и дворян, и детей боярских, и всё православное христианство, и сию нашу грамоту велел прочести всем во всеуслышанье. И того изменника и преступника Креста Христова, и еретика, и отметчика, и поругателя христианския веры, росстригу Гришку, что был в мире Юшка Богданов, сын Отрепьев, и бесовским учением и королевским умышленьем именоваше себе ложно князем Димитрием Углицким, и его воровских советников (езуитов), и научивших его такому злому умышлению, и хотящих озлобити церкви Божии; и государевых изменников, которые государю изменили, а тому вору и богоотступнику последуют и именууют его князем Димитрием, а вперед, кто начнет на то прельщаться и ему верить, а государю похочет изменить, соборне и всенародне прокляли и вперед проклинать велели, да будут они все прокляты в сем веке и в будущем. А мы здесь, во царьствующем граде Москве, соборне, с митрополиты и со архиепископы, и епископы, и с архимандриты, и игумены, и со всем освященным собором, и со всеми православными христианами, тако ж их вечному проклятию предахом»¹⁸⁰.

Однако, несмотря даже на столь строгие меры прещения, и эта грамота не подействовала на народ. По точному выражению современника всех этих событий келаря Троице-Сергиевого монастыря Авраамия Палицына, «яко же колесница фараонова неволю связашася на пагубу, также и все Российское государство в безумство дашеса»¹⁸¹. Другой источник XVII в. не менее красноречиво повествует, как в тот роковой период русской истории всюду «беззаконие лестцев умножахуся, а очи умнии стемневаша» и о том, как в кратчайшее время «вознесоша руки нечестивых и отвержени быша щиты праведных»¹⁸².

Зимой 1604 г. многочисленные царские войска осадили город Кромь, в котором находилась небольшая часть армии Лжедмитрия. Бездействие и апатия царских военачальников, измена некоторых воевод дали возможность самозванцу передохнуть, набрать силы и распустить слух в народе, что Сам Бог возмужествует ему, так как огромные силы, выставленные против него Годуновым, не могут его одолеть. Кроме того, хотя Отрепьев был постоянно под прищотром иезуитов¹⁸³, он счел нужным время от времени показывать русским свою приверженность к Православию. Находясь в Путивле, он приказал привезти ему из Курска чудотворную икону Божией Матери. Встреча иконы была особенно пышной; Лжедмитрий объявил всем, что он отдаст себя и свое дело под Покров Пресвятой Девы, и не расставался с чтимым образом на всем протяжении своего пути в Москву. Неясно, по своей ли мысли самозванец отступил таким образом или по совету иезуитов, во всяком случае это свидетельствовало, что если он и дал обещание обратить русских в католическую веру, то вначале решил прикрывать свое намерение ложным вниманием и псевдопреданностью Православию¹⁸⁴. Лжедмитрий распространял по всей России «обольстительные грамоты», в которых нагло писал: «Божим произволением, Его крепкою десницею покровенного нас от нашего изменника Бориса Годунова, хотящего нас злой смерти предати, и Бог милосердый злокозненного его помысла не восхотел исполнити, меня, государя вашего приржденного, Бог невидимою рукою укрыл и много лет в судьбах своих сохранил»¹⁸⁵. Один за другим русские города переходили на сторону самозванца. «Великое смятение» постигло и город Астрахань. Архиепископ Астраханский Феодосий, поставленный на эту кафедру Патриархом Иовом, один из немногих во всей России не поддавшийся народной смуте. Он убеждал народ, что именующий себя Димитрием — самозванец, похититель царского имени, неправовверный и нечестивый. Но возмущившийся народ «его хотел за сие убити»; его отвели из архиерейского дома под стражу в Троицкий монастырь, а «дом архиерейский разграбили». Впоследствии, по пришествии самозванца в Москву, Препосвященного Феодосия «с безчестием» привели из Астрахани в столицу. Лжедмитрий с гневом и раздражением спросил святителя: «Астраханския все смуты от тебя, и людем ты говоришь, и меня называешь неправым царем; да кто-де я?» Архиепископ же безбоязненно отвечал: «Ведаю-де, что ты называешься царем, но прямое-де твое имя Бог вестъ; ибо-де приржденный Димитрий царевич убиен в Угличе и мощи его тамо»¹⁸⁶. Пытаясь противодействовать патриаршим

грамотам и противостоять проклятию, объявленному священным собором, Лжедмитрий всенародно показывал человека, называвшего себя «Григорием Отрепьевым». Это обстоятельство еще больше уверяло людей в том, что Лжедмитрий — настоящий царевич. О его проклятии в народе говорили: «Пусть, пусть проклинают Гришку! От этого царевичу ничего не станется. Царевич — Димитрий, а не Гришка»¹⁸⁷.

Критическое положение дел в государстве усугубила внезапная смерть Бориса Годунова (†13 апреля 1605 года). Народ усматривал в этой смерти Божие наказание Борису и милостивое покровительство самозванцу. Смерть Годунова повергла столицу в уныние и смиение. Среди общего народного отчаяния раздавался бесстрашный голос Патриарха Иова, всеми мерами и средствами успокаивавшего дезорганизованный народ. Чтобы воодушевить и объединить людей в накалившейся неустойчивой обстановке, он первый со всем духовным собором выразил верность вдовствующей царице Марии и ее детям — Феодору и Ксении как правителям государства. За ними присягнули бояре и все жители Москвы. Они обещали не изменять новому правительству, не «проставать к вору, называющему себя царевичем Димитрием», и не желали видеть его в Московском царстве. К войску послали Новгородского митрополита Исидора, чтобы оно также приняло присягу Феодору и его царскому семейству¹⁸⁸. Патриарх Иов разослал свою окружную грамоту, в которой извещал о кончине государя, о вступлении на престол Феодора Борисовича, о присяге ему столицы и убеждал всех служить новому государю и «прямить ему во всем без всякия хитрости, иного государя не искать и не хотеть»¹⁸⁹. Однако бояре и воеводы: П. Басманов, братья Голицыны и М. Салтыков, стоявшие во главе царского войска, заколебались и не присягнули Феодору. Большая часть русской армии, признав самозванца, двинулась к Москве.

Лжедмитрий не хотел входить в столицу до тех пор, пока в ней оставались его враги. Поэтому он, обосновавшись в Туле, отправил в Москву своих слуг с тем, чтобы они подняли народ против семейства Годунова и Патриарха Иова. Приверженцы самозванца 1 июня 1605 года зачитали на Лобном месте грамоту Лжедмитрия. Большинство населения, частью обманутое, частью запуганное, перешло на его сторону окончательно. В летописи так сообщается об этом событии: «Те же вражии посланници красноречыи собравшася придоша во град на Лобное место. Многие ж служилые люди к ним присташа, иные своею охотою, иные страха ради смертнаго, видя таковое Божие прогнание. Бояре же придоша к Патриарху возвестиша ему злый совет московских людей. Патриарх же Иов стоял непоколебимый со слезами, моля и укрепляя их, но ни в чем же успе»¹⁹⁰. 3 июня отправлена была в Тулу, к самозванцу, повинная грамота москвичей с известием, что они присягнули ему и просят его пожаловать в столицу. Интересно, что грамота эта была отправлена в Тулу с боярами, а не с духовенством, как этого требовал Лжедмитрий. По всей видимости, бояре просили Патриарха послать кого-нибудь из духовенства, но он отказался¹⁹¹.

10 июня в Москву ворвались мятежники Лжедмитрия, которым было приказано истребить в столице всех врагов самозванца: они умертвили молодого царя и его мать, Ксению насильно постригли в монашество и отправили в монастырь. Но Патриарх Иов был не менее опасным врагом Лжедмитрия. В эти роковые минуты, когда многие русские люди кощунственно попрали закон и государственный порядок, нарушив священную клятву верности Родине против изменников и самозванца, в Москве все еще оставался живой свидетель этого ужасного преступления — великий старец-Первосвятитель и молитвенник за весь русский народ, Святейший Патриарх Иов. В это опасное время он не подвергся смущению и малодушию, но обнаружил твердость духа, присущую русскому архипастырю: неустрашимо и безбоязненно обличал предателей и пришельцев-грабителей, большую часть времени проводил в молитвах в переполненном людьми Успенском соборе. Враги и недруги Патриарха уже готовили расправу над ним. Святитель Иов знал об этом, однако не страшился и покорно ожидал исполнения воли Божией. В то время, когда Святейший Патриарх совершал в Успенском соборе Божественную литургию, в него ворвалась толпа «с оружием и дреколием», прервав священнослужение, вытаскала Предстоятеля из алтаря, сорвав с него святительское облачение. Патриарх Иов сам снял с себя панагию и, положив ее перед чтимой Владимирской иконой Божией Матери, громко произнес: «О, Всемилостивая Пречистая Владычица Богородица! Сия панагия и сан святительский возложены на меня, недостойного, во храме Твоем, Владычице, у честного образа Твоего, чудотворной иконы. Сию же я, грешный, исправлял слово Сына Твоего Христа Бога нашего 19 лет, сия Православная христианская вера нерушима была, ныне же грех ради наших видим на сию Православную христианскую веру находящую еретию. Мы же, грешнии, молим: „Умоли, Пречистая Богородица, Сына Своего Христа Бога нашего, утверди сию Православную христианскую веру непоколебимо“»¹⁹². Молитва Святителя еще более озлобила изменников; они с жестокостью потащили его по Успенскому собору и потом повлекли из Кремля к Лобному месту. Этот момент особенно ярко описывает «История о первом Патриархе Иове Московском»: «Придоша же множества народа, и мнози плакаху и рыдаху, видяще лютое сие смятение. Тогда бо соборныя церкви клирицы во вси церковныя двери выбегоша, вопль и крик с плачем сотвориша о Иове Патриархе, и моляще народы, бе бо опалилися от

бесования. И егда Патриарха vedoша, и кто изречет ту беду, еже бесчестиша и биша его Патриарха: прелестники Ростригины ему, Патриарху, ругалися без милости сурово и безчеловечно. Слух же протече во весь град Москву, яко нецыи хотят убить Святейшего Иова Патриарха, вину наречуше ему, яко наяснейшего царевича Димитрия Ростриго сказует; и распрение бе лютое бысть в народе, и силнии начаша одолевати»¹⁹³.

Патриарх Иов для Лжедмитрия был особо опасной личностью. Кроме того, что Святитель очень хорошо знал Григория Отрепьева (в бытность его монахом Чудова монастыря), он за все полугодие пребывание самозванца в России не только не сделал шага к примирению с ним, как поступили многие бояре, дворяне, посадские люди, крестьяне и даже некоторые из числа духовенства, но каждый день настойчиво объяснял всему народу истинную сущность Лжедмитрия как коварного врага России и Православной веры. Не случайно Отрепьев боялся войти в столицу, пока в ней находился Первосвяитель. Он понимал, насколько популярен Святейший Иов, и потому преднамеренно обманывал русский народ в своих грамотах от 6 и 11 июня, будто Патриарх признал в нем прирожденного государя и якобы «бил ему челом». Однако он боялся убить Святейшего Иова, ибо насильственная смерть Патриарха могла повредить его целям покорения всей России. Лжедмитрий решил выслать Патриарха Иова из Москвы в какой-нибудь отдаленный монастырь. С этой целью, как повествует «История», «нецыи же от вельмож, иже поклонишася антихристову знамению лжехристу Ростриге, и приходяще к Святейшему Иову Патриарху, аки чада его истинная, но лукави хищницы, и поведашу ему то, яко Рострига хощет тебе послати под начал, и моля его, Святейшого Иова Патриарха: где хошеши быти? Святейший же Иов Патриарх верных ему из них лукавых хищников умолил, дабы Рострига его отпустил на обещание свое, в град Старицу, во Успенский монастырь. Лжехрист же, Рострига и проклятый еретик 1 рижка Отрепьев по совещанию лстыцов своих сотвори изгнание Блаженному Иову Патриарху ис царствующаго града Москвы во град Старицу во Успенский монастырь...»¹⁹⁴. Измученного старца в простой рясе чернеца посадили в телегу и отвезли в заточение в обитель, где протекали годы его юности и начальный период служения Церкви. Так подвигом исповедничества завершал свой жизненный путь первый Патриарх Русской Церкви.

Кандидатуру на патриарший престол самозванец подыскал еще на пути к Москве, когда стоял в Рязани. Это был архиепископ Рязанский Игнатий, по национальности грек, ранее занимавший архиерейскую кафедру на Кипре. Изгнанный турками, Игнатий некоторое время жил в Риме, где принял унию. В 1595 г. он прибыл в Москву, скрыл свою причастность к унии, а в 1603 г. получил для управления Рязанскую епархию. Игнатий был одним из первых русских архиереев, открыто признавших Лжедмитрия; он встретил самозванца в Туле приветственной речью. Известно, что он еще до прихода самозванца в Москву приводил в соборной церкви Рязани к присяге бояр-изменников. Избрание нового Патриарха, по церковным правилам, должно было быть предоставлено священному духовному собору, царю же принадлежала власть утверждать одного из избранных собором кандидатов. Самозванец поступил иначе. Он назначил патриарха самочинно. Однако для соблюдения внешнего порядка и для предотвращения ненужной молвы он послал Игнатия в Старицу просить у Святейшего Иова благословения на патриаршество. Патриарх Иов не согласился благословить Игнатия, «ведая в нем римския веры мудрование». Самозванец вторично посылал Игнатия в Старицу с той же целью и угрожал Святителю Иову мучениями, если он не даст благословения. Но старец был непреклонен. Он сказал только, характеризуя Игнатия: «По ватаге и атаман, а по овцам и пастырь»¹⁹⁵.

Пока в Москве бушевали страсти, пока Лжедмитрий устанавливал свои порядки, попиравшие освященные традицией национальные обычаи, пока русский народ, вкушая плоды своего горького опыта, убеждался в том, что он обманут, и подспудно готовился разоблачить самозванца с его иностранными приспешниками и раздаться с ними, в Старицком монастыре доживал свои последние дни Патриарх Иов. В то время настоятелем этого монастыря был преподобный Дионисий. Еще когда Патриарха Иова привезли под стражей в монастырь с приказанием держать присланного «в озлоблении скорбнем»¹⁹⁶, архимандрит Дионисий, вопреки указаниям еретика, пришел с братией поклониться Патриарху-исповеднику и просил его распоряжений. В течение двух лет, которые Святитель Иов провел в монастыре, архимандрит Дионисий всеми мерами старался поддерживать и невинного страдальца. Сам же Патриарх Иов, ослабленный и утративший зрение, молитвой и иноческими подвигами приготавливал себя к вечному упокоению.

Тем временем Лжедмитрий был низвержен, на царский престол возведен Василий Шуйский. вновь встал вопрос об избрании Патриарха. Священный собор духовенства просил Патриарха Иова возвратиться на первосвятительский престол. Однако преклонный старец-Патриарх отказался от предложения и благословил на свое место митрополита Казанского Гермона¹⁹⁷.

Желая возродить нравственные силы народа, изможденного смутой, подавленного сознанием собственной измены и клятвопреступления, царь Василий Шуйский, посоветовавшись с Патриархом Гермоном и другими духовными лицами, приказал вызвать в Москву

бывшего Патриарха Иова с тем, чтобы он простил и разрешил всех православных христиан от совершенных ими нарушений крестного целования и измены, чтобы он именем Божиим снял с народа его клятвопреступления и благословил на путь долга и чести. Кто наложил клятву, тот должен был и разрешить ее. Вот почему признали недостаточным благословение и разрешение Патриарха Гермогена и потребовали приезда Патриарха Иова. В Старицу были отправлены митрополит Крутицкий Пафнутий, архимандрит Симонова монастыря Пимен, патриарший архидиакон и представитель государева двора. Они везли от Патриарха Гермогена Святителю Иову послание, в котором говорилось: «Государю отцу нашему, Святейшему Иову Патриарху, сын твой и богомолец Гермоген, Патриарх Московский, челом бьют. Государь царь, после совещания со мною, собором и боярами... послал молить Святительство твое, чтобы ты ученил подвиг, ехал в царствующий град Москву для государева и земского великого дела. Да и мы молим с усердием Святительство твое и преклоняем колена. Дай нам увидеть благолепное лицо твое и слышать прекрасный голос твой. Мы сильно жееаем видеть тебя и сподобиться благословения десницы твоей. Особенно же молим сотворить о нас молитву к Богу, да даст Милосердый Господь, ради святых молитв твоих, Российскому государству мир, покой и тишину, великому государю на врагов победу, а святым церквам и христианской вере — твердость»¹⁹⁸.

14 февраля 1607 года Патриарх Иов прибыл в Москву и остановился на Троицком подворье. Московским жителям предложено было собраться 20 февраля в Успенский собор. Один из исследователей жизни Патриарха Иова так повествует об этом событии: «Наступила великая и торжественная минута для всего русского народа. Пред лицом Бога и Его служителей он хотел приносить покаяние в своих преступлениях. Не менее многозначительна была минута эта и для старца-Патриарха, свидетеля народных прегрешений и всенародного покаяния. Много скорбных воспоминаний должна была воскресить эта минута в памяти слепого старца. Немало слез пролил он о заблуждениях паствы своей в годы своего служения; немало горького испытания принесли с собою эти годы; глубоко должно было опечаливать его недоверие народа, когда одна вера в его свидетельство могла спасти Отечество от преступлений, им совершенных, и от наказаний, за них терпимых. Все это и многое другое должно было пробудиться в душе престарелого Патриарха в минуту, когда он должен был выслушивать всенародную исповедь... Весь народ, как один человек, повергался перед ним, как пред своим отцом, и просил разрешения в своих преступлениях»¹⁹⁹.

В назначенный день Святейший Патриарх Иов в одежде простого чернеца прибыл в собор и, поклонившись образам и мошам угодников Божиих, стал у патриаршего места. Стены собора не могли вместить всех каявшихся людей, которые пришли в тот день. После молебна, совершенного Патриархом Гермогеном, народ кинулся с плачем и воплями в ноги к Патриарху Иову: «О, пастырь предобрый! Прости нас, словесных овец твоего стада, ты всегда хотел, чтобы мы паслись на златоносных полях твоего любомудрия и наполнились от сладкого источника Божественной истины; ты крепко берёг нас от похищения лукавым змием и пагубным волком, но мы, окаянные, отбежали от тебя, предивного пастуха, и заблудились в дебре греховной, и сами себя дали в снедь злomu тому зверю, всегда готовому губить наши души. Восхити нас, богоданный решитель, от нерешимых уз по данной тебе благодати!»²⁰⁰. Патриарх Гермоген приказал архидиакону взойти на амвон и прочесть народную челобитную. В ней народ, а также царь от лица народа, просили Святейшего Иова отпустить именем Божиим все грехи: «...Согрешихом и тебе, Святейшаго Иова Патриарха Московского и всея России, отца нашего не послушахом и клятву и крестное целование преступником... И ты, государь Святейший Иов, Патриарх Московский и всея Руси, не отверзи нас, кающихся, по прегрешениях наших; сотвори, государь, отеческую любовь чадолубно, благоволи чадам твоим очищения подати от прегрешений наших...»²⁰¹.

Закончив читать челобитную, архидиакон огласил разрешительную грамоту Святейшего Патриарха Иова, которая была составлена от имени двух Патриархов. В ней после небольшого исторического вступления напоминался народу о единодушном избрании на царство Бориса, о всенародной клятве ему в верности, о преступлении данной клятвы. «Я, — напоминал всем Патриарх Иов, — тогда уверял всех православных христиан в наглom обмане самозванца; я извещал, кто он именем, чей сын, как жил у меня, как обесславил иноческий и диаконский чин и бежал в Литву; я сказывал вам, как и когда убит царевич Димитрий, писал обо всем этом в полки к воеводам и воинам, и здесь в царствующем граде Москве по всем сотням рассылал подлинные грамоты, наказывал и укреплял всех вас, чтобы вы помнили Бога и крестное целование. Этого мало. Я сам давал вам на себя страшную клятву в удостоверение, что он самозванец, разстрига, а не царевич Димитрий, и в все наши убеждения и заклинания презрели и сделали то, что от начала света в Божественном Писании не обретается... Велики грехи наши пред Богом в сии времена последние, когда вымыслили нелепые, когда пакость мерзостная, тати, разбойники, беглые холопы могут столь ужасно возмущать Отечество. Будем же молить Царя царствующих и Господа господствующих с сокрушенным сердцем и плачевным гласом, да умилосердится Он о всех нас, да явит над нами неизследимую пучину милосердия

Своего, да ниспослет нам Божественное разрешение от заклительных уз и покроет нас пресветлым облаком огнезарного Божества. За прежние ваши преступления мы, Гермоген Патриарх и смиренный Иов, по данной нам благодати от Святаго Духа, упоая на щедроты Божии, всех вас прощаем и разрешаем в сей век и будущий, и молим Господа подать всем, нам и вам, благословение, мир, любовь, радость и всякую благостыню, а в будущем веке, на Страшном суде сподобитесь ликостояния со святыми и наследия Горнего Иерусалима»²⁰². После того, как была зачитана разрешительная грамота, народ вновь упал на колени пред Святейшим Иовом и кричал: «Во всем виноваты, честный отец! Прости, прости нас и дай благословение, да примем в душах своих радость великую»²⁰³. Слепой старец-Патриарх встал и обратился к народу со следующими словами: «Чада духовные! Надеясь на щедроты Божии, мы прощаем вас и разрешаем соборно, да примете благословение Господне на главы ваши. Впредь же молю вас, не позволять себе подобного клятвопреступления; великое дело целовать Честный и Живоворящий Крест, на котором распялся наш Владыка Христос, дабы избавить нас от мучительства диавола»²⁰⁴. Чин разрешения произвел сильное воздействие на народ: все плакали, калялись, просили прощения у Патриарха, приклонялись к его стопам, «лобызали его десницу»²⁰⁵. Великий старец, так много пострадавший среди общих народных бедствий, но вместе с тем и духовно обновленный в эти минуты, с радостью благословлял коленопреклоненный народ и давал свои последние наставления: хранить верность словесу Православию.

Недолго после этого старец-Патриарх пробыл в Москве. Он спешил возвратиться в свой монастырь, в Старицу. Не подействовали ни слова Патриарха Гермогена, ни царские просьбы остаться в Москве. В скором времени по возвращении в свою скромную обитель Святейший Патриарх Иов мирно отошел к Богу. Блаженная кончина его последовала в воскресенье 19 июня 1607 года.

6. СВЯТИТЕЛЬ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Велики были печаль и скорбь всего народа о почившем первом Всероссийском Патриархе Иове, но вместе с тем и сокровенное сознание того, что Церковь Небесная приняла в свои недра еще одного молитвенника и угодника Божия, никогда не покидало российской паствы. Любовь и уважение соотечественников к своему Первосвятителю-патриоту, подвижнику и хранителю святого Православия с необыкновенной силой отобразились в глубоком почитании памяти Патриарха Иова.

Первые, но уже ярко выраженные черты этого почитания в отношении к сосланному Патриарху обнаруживаются со стороны настоятеля Успенского Старицкого монастыря преподобного архимандрита Дионисия (†1633; память 12 мая), а вместе с ним и братии. Как уже отмечалось, приказ Лжедмитрия о строжайшем содержании Святителю Иова в заточении преподобный Дионисий не только проигнорировал, но, более того, предпринял все меры к тому, чтобы смягчить страдания убоженного сединами старца. Стражники, доставившие Святейшего Патриарха Иова, были отправлены, а сам настоятель «со всею братиею и со многими горькими слезами, не ведый, что сотворити великому пастырю, и молит, и просит, что повелит и что укажет еже о себе творити»²⁰⁶. Так был встречен Патриарх в своей родной обители, где некогда начинал постигать под руководством святителя Германа великую школу иноческого смирения и нелицемерного братолюбия и где впоследствии настоятельствовал, преподавая братии уроки благочестия и духовного наставничества. И быть может, именно в эти минуты монашеское сердце Первосвятителя как никогда исполнялось радостью и утешением, ибо его опытному взору открылись поистине нетленные плоды жертвенности и великодушия, те самые плоды, в созидании которых он ощутил и свою бескорыстную иноческую причастность. Духовная общность Святителю Иова и преподобного Дионисия — тема, заслуживающая особого внимания. Не вдаваясь в детальный анализ этой важной, еще не получившей своего освещения в церковной литературе, темы, отметим основные вехи взаимоотношений этих столпов Православия. Поражает общность некоторых биографических данных, близость и единство их жизненных судеб. Оба же, как и Патриарх, преподобный Дионисий родился на Тверской земле; оба приняли постриг в Старицком Успенском монастыре, тот и другой в течение нескольких лет были настоятелями этой обители²⁰⁷. Во время поездки Патриарха Иова в Москву в феврале 1607 г. для принятия покаяния москвичей преподобный Дионисий сопровождал Первосвятителя²⁰⁸. Несомненно, к тому времени их связывала искренняя и глубокая дружба, основанная на единстве мировоззрения, которое в свою очередь выражалось как в патриотическом служении Отечеству в годы польско-литовской интервенции, так и в пастырском служении Церкви, испытывавшей в те времена из-за недостатка прощения больше беды. Как отмечают исследователи, именно в Москве, благодаря Святителю Иову состоялась встреча святого Патриарха Гермогена (†1612; память 17 февраля и 12 мая) и преподобного Дионисия²⁰⁹, положившая начало их совместному служению Церкви и Отечеству.

Последствия польско-литовского нашествия вызвали к жизни одну из важнейших жизненных задач — снабжение храмов богослужебными книгами. Неудивительно, что именно преподобный Дионисий, наместник Троице-Сергиевого монастыря, получил благословение цер-

ковного священноначалия на редакторско-издательский труд. Общение с Патриархом Иовом и знакомство с его мыслями и планами относительно типографского дела²¹⁰ получили дальнейшее творческое развитие и реализацию в книгоиздательской деятельности преподобного Дионисия. Конкретные исторические события, обусловившие эту генетическую духовно-творческую преемственность двух подвижников в области отечественного просвещения, вполне достойны самостоятельного очерка. В данной работе достаточно засвидетельствовать этот факт как одну из форм обращения благодатной памяти сподвижников и последователей Святейшего Патриарха Иова к его общецерковной деятельности.

Известно, что преподобный Дионисий участвовал в погребении первого русского Патриарха. Для совершения чина погребения прибыли митрополит Крутицкий Пафнутий и архиепископ Тверской Феоктист. Во время службы, которую совершали архиереи совместно с преподобным Дионисием и «протчими священники», на лице усопшего «бысть аки роса велика». «Дионисий же ту росу отираше и смочиша два полотенца», — повествует «История о первом Патриархе Иове»²¹¹. В момент же самого погребения лицо Святытеля, как передает тот же документ, «бысть светло, яко живу ему сушу»²¹². Святейший Патриарх был погребен у западных дверей Успенского собора монастыря, напротив правого клироса. Здесь тело его покоилось до 1652 г. Над гробом Патриарха была впоследствии воздвигнута часовня с надписью на гробнице: «7115 (1607) года июня в 19 день на день воскресения в нощи преставися раб Божий Святейший Патриарх 1-й Иов Московский и всея России, уроженец града Старицы из посадников, от своих вдан в монастырь Старицы Успения Божией Матери архимандриту Герману, от него же научен чтению и слову Божию; в оном же монастыре пострижен в монашество тем же архимандритом и посвящен в иеромонахи; от благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича (IV) умолен бысть архимандритом в оном монастыре, а потом взят был в Коломну во епископы, отуда переведен в Ростов в архиепископы, из Ростова в Москву в митрополиты, из митрополитов в Патриархи Московские и всея России. По времени воста самозванец Гришка Отрепьев, возненавидел и сослал его паки в Старицкий Успенский монастырь под начал, где, проживая не малое время, окончил жизнь и погребен Крутицким митрополитом Пафнутием и Тверским архиепископом Феоктистом, при архимандрите Дионисии со священным собором в сей палатке. Ныне же чудодействуя молит о всех Вседержителя Бога Господа нашего Иисуса Христа. Аминь»²¹³.

О нестяжательности Предстоятеля Русской Церкви свидетельствует сохранившееся описание имущества Патриарха Иова, оставшегося после его смерти «в келлиях и в сенех и в чуланех». Кроме небольшой суммы денег (15 рублей), которые были истрачены на погребение, одежды и разной домашней рухляди, как уже упоминалось, в ней числятся еще и святые иконы. Список их дает нам дополнительный штрих к духовному образу Первосвятителя: «Образ Спасов стоящий, а в подножи Зосима и Савватий Соловецкие чудотворцы... Да четыре образа Животворящая Троицы на золоте... образ Господа нашего Иисуса Христа «Содержа вся Господь»... образ Пречистыя Богородицы... образ Иоанна Богослова, два образа Макария Калазинского, да четыре образа Бориса и Глеба, пять образов Ярославские чудотворцы, Авраамий Ростовский, Ефрем Новоторжский, Димитрий Прилуцкий, Александр Невский...»²¹⁴. Знание о том, какие святые были особенно чтимы Святытелем Иовом, может многое сказать и о самой молитве Первоиерарха нашей Церкви. Кстати, автор «Истории о первом Патриархе Иове Московском», этого замечательного агиографического, исторического и литературного памятника середины XVII в., очень часто говорит о силе и действенности молитвы Святейшего Патриарха. Видимо, эти факты были настолько заметны и значительны, что через четыре десятилетия после смерти Патриарха они были включены в описание его жизни. Автор, например, повествует о том, как уже ослепший Патриарх «противу престола на колену встав и возде руце горё, со слезами принося годовое моление, изуст глаголаше Пребезначальной и Пресвятей Троице»²¹⁵; или о том, как он, читая молитвы Пятидесятницы, заставлял плакать своим чтением тех, кто далеко не отличался кротким нравом, «занаже глас его быше умилен в чтении, — объясняет автор, — громогласуя и доброту чтения у всех сердце, яко огнем, попаляя и просвещая ко умилению плача»²¹⁶; или о том, как, видя все беды, выпавшие на долю России, он «день и ночь со слезами непрестанно в молитвах предстоит в церкви Божии»²¹⁷.

Замечательнейшим памятником, служащим неопровержимым доказательством молитвенного подвижничества Патриарха Иова, является найденный нами «Синодик», составленный по благословению, а возможно, и при непосредственном участии Святейшего Патриарха, который, как показывает значительное количество рукописных списков, был широко распространен в литургической жизни Русской Церкви²¹⁸. Нельзя не вспомнить и другой памятник литургического творчества, оставленный потомству Патриархом Иовом, — Службу преподобному Иосифу Волоцкому²¹⁹, до сих пор совершаемую Православной Церковью и входящую в состав Миней служебных²²⁰.

Богословское и литературное наследие Патриарха Иова еще недостаточно собрано и изучено. Лучшим из него является послание Первосвятителя митрополиту Грузинскому Николаю²²¹. Другое крупное произведение Патриарха — «Повесть о честном житии царя Феодора

Ивановича», включенная впоследствии в Никоновскую летопись. Житие Феодора написано в первые годы правления Бориса Годунова, оно отличается, по мнению исследователей, большими литературными достоинствами: прекрасный язык и стиль произведения сочетаются с исторической конкретизацией²²². Здесь рассказывается, в основном, о самых важных событиях царствования Феодора: о происхождении Сибири, учреждении Патриаршества, войне со Швецией, с крымскими татарами и др. Интересен в повести образ царя Феодора Ивановича. В глазах Патриарха Иова — это идеал монарха, инока и аскета в личной жизни, и в то же время — это разумный, кроткий и деятельный правитель. Самой заметной чертой в характере Феодора автор считает его глубокое благочестие: стремление к вечному отвлекает Феодора от житейских забот, ведет к постоянной молитве, к изнурительному посту, длительному пребыванию в церкви. Он «зело благочестив» и милостив ко всем, кроток и незлобив, милосерд, нищелюбив и страннопринимен²²³. Жизнь Феодора Патриарх Иов прямо называет «святым житием»²²⁴. Многие называют язык «Повести» красноречивым и живым вследствие того, что все житие проникнуто глубоким чувством любви к усопшему²²⁵.

Таким предстает перед нами Патриарх Иов как мыслитель и психолог, обладавший проницательным взором и умевший точно охарактеризовать благочестивую настроенность своих современников.

Одним из характерных качеств Патриарха Иова было нестяжательство. Мы помним, как Патриарх употреблял свои богатые средства на строительство храмов и монастырей, на помощь бедным и голодным. Следует отметить также, что Святитель Иов существенно пополнил первосвятительскую ризницу. В своей Духовной грамоте он писал, что «келейные» деньги им были употреблены на приобретение церковного облачения и утвари, среди них — дорогие саккосы, стихари, поручи, поясы, кадила, лампады, панагии, посохи и т. п.²²⁶ Многие из этих вещей, принадлежавших Патриарху Иову, а впоследствии и другим Первоиерархам, со временем были утрачены и расхищены, однако описание некоторых из них осталось²²⁷.

И, наконец, самым главным подвигом жизни Патриарха Иова стало исповедничество. Что же, в сущности, представляет исповедничество, выразителем которого в самое опасное для государства время стал Предстоятель Русской Церкви? Ответ на этот вопрос содержится в словах Патриарха Иова, обращенных к царю Борису и его сыну Феодору. «Тебе, — говорит он в своей Духовной грамоте, — и сыну твоему... царевичу Феодору завещаю, по данной им власти Пресвятого и Животворящего Духа, да соблюдете в веки неподвижному и непоколебимому Православную нашу чистую, непорочную и пречестнейшую христианскую веру... еже во всей поднебесной яко ж солнце сияет...»²²⁸. Действенным выражением и свидетельством истинности сказанных слов был, без сомнения, весь жизненный путь Святителя Иова. Действительно, если последовательно проанализировать жизнь Патриарха от принятия иночества до Перво-святительства, нетрудно понять и осознать некую закономерность, которая прослеживается как в трудах русского Первоиерарха, так и в его поступках: всегда и везде его отличали глубокая, чистая вера, искренняя, во Христе, любовь к ближним и Отечеству, утверждение и защита Православия, жертвенное служение Русской Церкви. Собственно, в этом и заключен смысл его исповедничества, только для Святейшего Патриарха Иова он был особенно рельефно выражен, чему в значительной мере содействовала историческая эпоха. Именно поэтому обнаруживается главное достоинство Патриарха Иова — святость, достоинство, которым по преимуществу обладал не только он сам, но и благодаря которому, он стал выразителем всего русского народа, его крестного подвига и духовного обновления.

Высокие нравственные качества первого Патриарха, праведность его жизни, молитвенный и исповеднический подвиг — все это осталось в благодарной памяти народа. Как при жизни, так и после блаженной кончины Первоиерарха никто не сомневался в его особой избранности. У могилы Святителя Иова стали совершаться исцеления²²⁹. Вера в его молитвенное предстательство пред Богом за землю Русскую была главной причиной намерения царя Алексея Михайловича, о чем также советовал митрополит Новгородский Никон²³⁰, перенести мощи Патриарха Иова из Старицкого монастыря в Москву и вместе с перенесенными из Соловецкого монастыря мощами святого Митрополита Всероссийского Филиппа присоединить их к сонму святителей в московском Успенском соборе.

В марте 1652 г. в Старицу за мощами Патриарха Иова были посланы «Преосвященный Варлаам, митрополит Ростовский и Ерославский, со освященным собором, да с ними же был царского синклита боярин Михаил Михайлович Салтыков с дворяны и со многими людьми»²³¹. Обретенные мощи Святейшего Патриарха, согласно древним описаниям этого события²³², оказались нетленными и благоуханными, от них тотчас стали совершаться исцеления²³³. Местное предание в Старице говорит: когда гробницу с телом Патриарха Иова отправляли из Старицкого Успенского монастыря в Москву, многочисленная торжественная процессия проводила его на протяжении версты, и на том месте, где шествие остановилось, народ прощался с Патриархом Иовом, говоря ему: «О Святителю Христов, Иове, отче наш! Не остави посещати град наш и святую обитель твою. идеже твои мощи многострадальные почиваху; ныне

видим мы, грешнии, яко ты, пастырю наш, отходи от нас на свое пребывание, а нас оставяеши сирых быти в граде сем...»²³⁴. Вскоре на этом месте жители города построили часовню, которая существовала долгое время, напоминая жителям Старицы о своем иерархе. По преданию, кони, которые везли мощи Патриарха, несмотря на усилия возниц, не сдвинулись с места в течение полусуток, так что все жители Старицы успели проститься со Святейшим Патриархом Иовом²³⁵. На всем пути следования процессии население страны тысячами выходило навстречу, чтобы поклониться мощам Первосвятителя; некоторые больные получали исцеления от гроба Патриарха²³⁶. За 12 верст от столицы, в селе Тушине, гробницу Патриарха Иова встретили митрополит Казанский Корнилий, архиепископ Рязанский Мисаил, духовенство, бояре, князя и множество народа. Из Тушина до самой Москвы гроб на головах несли стрельцы. Наконец, останки Первосвятителя были доставлены в Москву. Это произошло 5 апреля 1652 года. Гроб Святейшего Патриарха Иова был встречен царем Алексеем Михайловичем и Патриархом Иосифом (1642—1652) у Тверских ворот в Страстном монастыре, откуда мощи были торжественно перенесены в Успенский собор и погребены в общем ряду Патриархов Московских у южной стены собора. Преклонный Патриарх Иосиф, сам уже предчувствовавший свою кончину, когда полагал мощи Иова около гробницы Патриарха Иоасафа (1634—1640), исполнил себе у царя место в ногах святителя Иова, и через несколько дней исполнилось его последнее желание²³⁷.

Насколько важным событием Русской Церкви и всей религиозной жизни народа было перенесение мощей Патриарха Иова, свидетельствует сохранившееся письмо царя Алексея Михайловича митрополиту Никону, будущему Патриарху: «Я встречал гроб Иова с Патриархом, со всем освященным собором и со всем государством от мала до велика. Было так многолюдно, что не помешались от Тверских до Неглинных ворот, по кровлям и переулкам негде было яблочко упасть, нельзя было ни пройти, ни проехать. А Кремль велел запереть, ибо и так насилу пронесли в собор; такая теснота была, что старые люди за 70 лет не помнят такой многолюдной встречи. Патриарх, отец наш, со слезами говорил мне: «Вот смотри, государь, как хорошо за правду стоять! И по смерти слава!» — и много пладал, почти всю дорогу до самого собора. Пришедши, поставили в ногах у Патриарха Иоасафа сверху на помосте и оклали кирпичем, а сверху положили доску, а не заделали ее для свидетельства; начали было и свидетельствовать, да за грехи наши изволил Бог отца нашего Патриарха взять в вечное блаженство. И теперь все остановилось, ожидаем тебя к свидетельству. И как начали его ставить на этом месте и отец наш сказал мне: кому в ногах у него лежать? Я сказал, положим тут Гермогена. А он, государь, сказал: «Вели, государь, меня, грешного, положить тут», — и когда отец наш преставился, я, грешный, вспомнил его государевы слова»²³⁸.

Почитание Патриарха Иова в лике святых отмечается в самых различных рукописях и агнографических изданиях. Так, в одной из рукописей сказано: «Святейший Патриарх Иов, Московский и всея России чудотворец, пострадал от Ростриги. Преставился в лето 7011 июня в 19 день»²³⁹. Имя его упоминается и в старинном месяцеслове в числе святых града Москвы²⁴⁰. Свидетельства о святости Патриарха Иова встречаются в ряде агнографических источников: «Источника русской агнографии»²⁴¹, «Месяцеслове русских святых»²⁴², в «Книге, глаголемой описание о Российских святых»²⁴³, «Полном месяцеслове Православного Востока»²⁴⁴ и других.

О благоговейном уважении к памяти Святейшего Патриарха Иова может свидетельствовать грамота Всероссийского Патриарха Адриана (†15 октября 1700), посланная им настоятелю Старицкого Успенского монастыря. В ней Патриарх Адриан напоминает настоятелю, что по указу и благословию «блаженныя памяти брата нашего Первопрестольника Святейшаго Иова, Патриарха Московскаго и всея России», Старицкой обители было даровано право на архимандрию по его любви к месту своего происхождения, воспитания, первых и последних подвигов его монашеской жизни»²⁴⁵.

В дальнейшем ежегодно 19 июня в Старицком монастыре служилась панихида в память о Святейшем Патриархе Иове и совершались крестные ходы к месту его погребения. Нередко в этот день в обитель приезжали Тверские архипастыри. В конце XIX в. архиепископ Димитрий (Самбикин; †17 марта 1908) стал собирать сведения о месточтимых святых. Почитание Патриарха Иова в эти годы стало еще большим. День его кончины праздновался во всех городских храмах епархии²⁴⁶. В напрестольных крестах Преображенского кафедрального собора г. Твери и в Успенском Старицком монастыре хранились частицы мощей Святейшего Патриарха Иова²⁴⁷. Тогда же по благословию Преосвященного Димитрия была написана икона Собора Тверских святых. На этой иконе Патриарх Иов изображен в мантии и патриаршем белом клобуке, в левой руке — деревянный посох, в правой руке он держит свиток с надписью: «Я девятнадцать лет хранил целость веры. Матерь Божия, спаси Православие!»²⁴⁸. Икона Святителя Иова всегда хранилась на его белокаменном надгробии в Успенском Старицком монастыре, где у места его погребения постоянно совершались панихиды по просьбе верующих²⁴⁹.

В 1907 г. Русская Церковь праздновала 300-летие со дня блаженной кончины первого Патриарха. Торжество в связи с этой знаменательной годовщиной особенно памятным было для города Старицы. В нескольких номерах «Тверских епархиальных ведомостей» подробно описаны праздничные события. Здесь же было выражено пожелание духовенства епархии продолжить дело, начатое Патриархом Иосифом, по прославлению Святейшего Патриарха Иова²⁵⁰.

Завершение канонического и литургического оформления почитания памяти Патриарха Иова произошло относительно недавно: имя святителя Иова совместно с другими подвижниками внесено в число Собора Тверских святых, празднование которому установлено Святейшим Патриархом Пименом и Священным Синодом и впервые отмечено в июле 1979 г. Согласно благословению Патриарха Пимена, память Всех святых, в земле Тверской просиявших, совершается Русской Православной Церковью «в первый воскресный день после праздника святых первоверховных апостолов Петра и Павла»²⁵¹, что в Русской Церкви было ознаменовано особым посланием Святейшего Патриарха Пимена²⁵². Это событие во многом послужило основой при подготовке письменного исследования о жизни и христианском подвиге первого русского Патриарха²⁵³. Это позволило своевременно включить литургические тексты и житийные сведения в современное издание Миней месячных²⁵⁴. Одновременно наместник Троице-Сергиевой Лавры игумен Зинов написал икону святителя Иова, также включенную в приложение к Минее Июнь.

И, наконец, юбилейное празднование 400-летия со времени учреждения Патриаршества, состоявшееся в 1989 г., ознаменовано всероссийским прославлением и почитанием Святителя Иова, первого русского Патриарха, в лике святых Русской Церкви.

* * *

Учреждение Патриаршества в Русской Церкви на исходе XVI ст. — факт знаменательный не только для нашей Церкви, но и для всего Православия. Не меньшую значимость это событие приобрело и для Русского государства в целом: были созданы условия для церковного и государственного возвышения России в общем ряду христианских стран.

На этом фоне особенно отчетливо отображается личность первого русского Патриарха — святого Иова. Его первосвятительский опыт был воспринят и продолжен русскими Патриархами и всем церковным народом, а память о первом Патриархе Русской Церкви стала живым символом духовного мужества и незабываемости Православия на Русской земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Духовная грамота Патриарха Иова. — В кн.: Древняя российская вивлиофика. Изд. 2, ч. 6. М., 1788, с. 107—125.

² Там же, с. 114.

³ История о первом Патриархе Иове Московском. — В кн.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Т. 13. СПб., 1891, стлб. 923—944; О перенесении честных мощей Святейшего Иова из Старицы в царствующий град Москву. — Там же, стлб. 944—950.

Тексты «Истории» опубликованы также в других изданиях. Известно несколько рукописных списков «Истории»:

а) История о первом Иове Патриархе Московском и всея России. — ОР ГБЛ, собр. Саввина-Сторожевского мон-ря, № 5, полуустав, 4°, XVIII в., лл. 40—67.

б) История о первом Патриархе Иове в Велицей России, о возведении на Патриаршество и о изгнании его. — ОР ГБЛ, собр. Музейное (ф. 178), № 156, полуустав, 4°, XVII—XVIII вв., лл. 133—166.

в) История о первом Иове Патриархе Московском и всея России. — ОР ГБЛ, собр. В. М. Ундольского (ф. 110), № 1110, скоропись XVIII в., лл. 296—300.

г) История о Иове первом Патриархе Московском и всея России. — Рукопись нач. XIX в., 4°, 23 л. Хранилась в Старицком Успенском монастыре, место хранения в настоящее время неизвестно. Текст опубликован: История о первом Патриархе Иове Московском и всея России (по Старицкому списку). Под ред. и с предисл. А. Н. Вершинского. Старица, тип. И. П. Крылова, 1911, 35 с.

д) ОР ГИМ, собр. Барсова, № 134, XVIII в. Этот список, названный «редчайшим», указывает Барсуков Н. (Источники русской агнографии. СПб., 1882, стлб. 264).

⁴ См.: Крылов И. П. Старица и ее достопримечательности. Тверь, 1907.

⁵ Арсений, игумен. Описание Успенского старицкого монастыря. Тверь, 1895.

⁶ О благочестии родителей Святейшего Патриарха Иова убедительно свидетельствует другой письменный источник, содержащий перечень имен ближайших родственников Патриарха, в том числе и родителей. «Род Святейшего Патриарха Иова: инок Серапион [отец?],

инок Кирилл, Матфей, инокия Пелагея [мать?], князь Иосиф, священноархимандрит Авраамий, инок Феодосий, Феодор, Елиазар, Дионисий, Иона, Феодосий, Никифор». — Тверские епархиальные ведомости, 1898, № 4, с. 104.

⁷ История... стлб. 927.

⁸ Соколов Н. К. Иов Патриарх Всероссийский и его время. — Московские университетские известия, 1871, № 6, с. 2.

⁹ История... стлб. 923.

¹⁰ Соколов Н. К. Цит. соч., с. 3.

¹¹ «Дивно же сие о нем бе видети, яко постник всегда бе, николи же не имея гортани своей никакова покоя ни во брашнах, ни в питии, и всегда алчбу и жажду держа волею, и гладну ему сушу, а глас его во обличение бе питающимся и упивающимся...» — История... стлб. 928.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Макарий, митрополит. История Русской Церкви. Т. 10. СПб., 1881, с. 57—58.

¹⁵ Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГД). Т. I. М., 1819, № 187.

¹⁶ Согласно одному из источников, имя его упоминается в качестве настоятеля монастыря 6 мая 1569 года (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877, стлб. 460).

¹⁷ Там же, стлб. 150.

¹⁸ См. о Симоновом монастыре: В. Н. Москва с ее святынями и священными достопримечательностями. М., 1888, с. 106—107; Пассек В. Историческое описание Симонова монастыря. М., 1843; Евстафий, архимандрит. Описание Симонова монастыря. М., 1867.

¹⁹ Примечательно и то обстоятельство, что Симонов монастырь уже при первом его настоятеле был возведен Святейшим Нилом, Патриархом Константинопольским, на степень архимандрита. — [Иосиф, игумен]. Московские соборы и монастыри. Изд. 5. М., 1899, с. 91.

²⁰ Соколов Н. К. Цит. соч., с. 5.

²¹ Акты, собранные Археографической экспедицией. Т. I. СПб., 1819, № 284; См. также: Соколов Н. К. Цит. соч., с. 6.

²² Строев П. Указ. соч., стлб. 143. См. также: Снегирев И. Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве. М., 1863, с. 72; Дмитриев И. Д. Московский первоклассный Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем (Историко-археологический очерк). М., 1909.

²³ СГГД, т. I, № 200.

²⁴ Духовная грамота... с. 107. См. также: Строев П. Указ. соч., стлб. 1031.

²⁵ Соколов Н. К. Цит. соч., с. 7.

²⁶ Строев П. Указ. соч., стлб. 332.

²⁷ Духовная грамота... с. 108.

²⁸ Там же.

²⁹ См. о положении восточных Патриархатов: Терновский Ф. Изучение Византийской истории и ее тенденциозное приложение к Древней Руси. Киев, 1875; Лебедев А. П. История Греко-Восточной Церкви под властью турок. От падения Константинополя (в 1453 году) до настоящего времени. Изд. 2-е. СПб., 1903; Калтерев Н. Ф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII вв. М., 1885; Шаповалов А. Я. Государство и Церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Ч. I. Одесса, 1912, сс. 165—244.

³⁰ Пассевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983, с. 5—19; Самарин Ю. Ф. Иезуиты и их отношение к России. М., 1866; Губер И. Иезуиты, их история, учение, организация и практическая деятельность в сфере общественной жизни, политики и религии. СПб., 1898; Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963.

³¹ Николаевский П. Учреждение Патриаршества в России. — Христианское чтение, 1879, № 9—10, с. 369—382.

³² Грек Николай сообщил в Посольском приказе, что он был «отпущен из Царьграда от двух Патриархов — Константинопольского и Антиохийского, которые писали о нем грамоты, касательно милостыни, и велели на словах сказать царю о том, что приказывал к ним государь касательно учреждения Патриарха на Руси. Оба они, соборовав между собою, послали по Александрийского и Иерусалимского и велели им быть в Царьграде, чтобы с ними соборовать; с Собора же Патриархи хотят послать в Москву и наставить, как соборно поставить Патриарха на Руси» (Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. I. СПб., 1858, с. 184).

³³ Патриарх Иеремия так впоследствии объяснял причину своего приезда в Россию: «Мне церкви Божией строити и келей ставити нечем, что было казны и всякого церковного строения, и яз о том бил челом салтану, чтобы мне поволит имети милостыни ради на церковное строение в хрестыянские государства, и турской салтан меня отпустил и поволит мне ехати для милостыни во все хрестыянские государства. И яз слышав про такова государя благо-

честиваго и христоролюбиваго государя вашего великого государя царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Руси, пошел есми сюда видети его государьские очи и православную веру хрестьянскую и для ради милостыни» (*Шпаков А. Я.* Указ. соч., с. 277—278).

³⁴ См. об этом: *Николаевский П.* Цит. соч., № 9—10; *Шпаков А. Я.* Цит. соч.; *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1983 (глава «Учреждение Патриаршества», с. 51—60) и др.

³⁵ См. об этом: *Муравьев А. Н.* Цит. соч.; *Зернин А.* Учреждение в России Патриаршества. — В кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 2, ч. I. М., 1855; «Учреждение Патриаршества в России в 1589 году». — В кн.: Прибавления к изданию творений святых отцов. Ч. 18. М., 1859, с. 288—338; *Макарий, митрополит.* История Русской Церкви. Т. 10. Патриаршество в России. Кн. I. СПб., 1881, с. 3—135.

³⁶ *Николаевский П.* Цит. соч., № 9—10, с. 395.

³⁷ Семену Пушечникову, посланному встретить и проводить Патриарха в Москву, был дан приказ тайно, «стороною» подробно расспросить «у старцов его и у слуг», «кроме своей нужды, что едет за милостыней, ото всех ли с ним патриархов ко государю есть какой приказ» или нет (*Шпаков А. Я.* Указ. соч., с. 279).

³⁸ На подворье, где размещались Иеремия со свитой, приставам, охранявшим гостей, повелевалось никого, особенно иностранцев, не пускать и о любых разговорах Патриарха немедленно докладывать правительству (*Макарий, митрополит.* Цит. соч., с. 16).

³⁹ *Николаевский П.* Цит. соч., № 9—10, с. 388.

⁴⁰ Там же, с. 389.

⁴¹ Там же.

⁴² Ответные дары Патриарху и его свите подробно описаны в кн.: *Муравьев А. Н.* Цит. соч., с. 195.

⁴³ *Шпаков А. Я.* Цит. соч., с. 288—295, 319—324; *Макарий, митрополит.* Указ. соч., с. 24—27.

⁴⁴ *Николаевский П.* Цит. соч., № 11—12, с. 555.

⁴⁵ Чин поставления, предложенный Патриархом Иеремией, не понравился царю, так как он не отличался торжественностью, присущей поставлению на Руси Митрополита. Государь поручил дьяку Шелкалову составить чинопоследование избрания и поставления Патриарха из двух текстов чинов — греческого и русского (*Николаевский П.* Указ. соч., с. 556—558). Рукописный список «Избрание Патриаршеское на Москве» хранится в сборнике: ОР ГИМ, № 974 (Син. 850), XVII в., полуустав, 4°, лл. 651—661.

⁴⁶ *Николаевский П.* Указ. соч., с. 559.

⁴⁷ Когда Патриарх Иеремия подъехал к собору, у «передних дверей» митрополичьих покоев его встречали епископ, восемь архимандритов, несколько игуменов и старцев. У соборных дверей была устроена вторая «встреча», в которой участвовали три епископа, два архимандрита и три игумена. Третья «встреча» была при входе в собор, здесь Иеремию встречали три архиепископа, архимандрит и соборные старцы (*Шпаков А. Я.* Цит. соч., с. 328).

⁴⁸ *Макарий, митрополит.* Цит. соч., с. 32.

⁴⁹ Такой поступок митрополита Дионисия был прямым нарушением формы отношений к лицам церковной иерархии, которые издавна установлены на востоке. Патриарх Иоаким, как повествует документ, «поговорил слегка, что пригожее было бы от него митрополиту принять благословение прежде, да перестал о том» (*Николаевский П.* Указ. соч., № 9—10, с. 374).

⁵⁰ Там же, № 11—12, с. 564.

⁵¹ Там же, с. 565.

⁵² *Шпаков А. Я.* Цит. соч., с. 331.

⁵³ Текст присяги опубликован в издании: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. Т. I. СПб., 1819, № 184, с. 161—162.

⁵⁴ *Николаевский П.* Цит. соч., № 11—12, с. 571.

⁵⁵ *Муравьев А. Н.* Цит. соч., с. 211.

⁵⁶ Там же, с. 212.

⁵⁷ Примерно то же самое получил Патриарх Иеремия, но плюс к этому еще и 300 рублей денег. От царицы оба Патриарха получили в дар по «вызолоченному кубку», бархата, атласа, 40 соболей на 60 рублей и по 100 рублей денег. В тот же день щедро были одарены все спутники Патриарха Иеремии (*Николаевский П.* Цит. соч., № 11—12, с. 573—574).

⁵⁸ *Шпаков А. Я.* Цит. соч., с. 338.

⁵⁹ *Муравьев А. Н.* Цит. соч., с. 214. Несколько отличающиеся сведения о дарах Патриарха Иова государю и царице приведены у Николаевского. Здесь же — описание ответных подарков от царицы патриархам и греческой свите (*Николаевский П.* Цит. соч., № 11—12, с. 577).

⁶⁰ Там же, с. 576.

⁶¹ *Шпаков А. Я.* Цит. соч., с. 339.

⁶² «После чаш Иов явил Патриарху Иеремии свое благословение — образ Богородицы, обложен серебром, большая рядница, венец сканой, а около венца обнизано жемчугом, да да-

ры». Греческим архиереям Иерофею и Арсению также подарены образа Богоматери, обложенные серебром со сканым венцом (*Николаевский П.* Цит. соч., № 11—12, с. 578).

⁶³ Текст грамоты опубликован в кн.: *Шапов А. Я.* Государство и Церковь. Ч. 2. Приложения, с. 39—48.

⁶⁴ В тексте грамоты поименовано 76 членов Собора, однако 44 из них выехали к маю из Москвы в свои епархии и практически не смогли подписать этот документ (*Николаевский П.* Цит. соч., 1880, № 1—2, с. 132).

⁶⁵ *Муравьев А. Н.* Цит. соч., с. 223.

⁶⁶ *Николаевский П.* Цит. соч., 1880, № 1—2, с. 135—140; *Шапов А. Я.* Цит. соч., ч. 1, с. 351—360; *Макарий, митрополит.* Цит. соч., с. 43—45.

⁶⁷ Там же: *Николаевский П.*, с. 142—144; *Шапов А. Я.*, с. 367—372; *Макарий*, с. 46.

⁶⁸ От имени царя посланы две грамоты Патриарху Иеремии и три грамоты другим восточным патриархам; от имени Святителя Иова — обширная грамота Патриарху Иеремии. Борис Годунов направил особые послания Константинопольскому Патриарху Иеремии и Иерусалимскому Софроню (*Николаевский П.* Цит. соч., 1880, № 1—2, с. 146—147).

⁶⁹ Деяние Константинопольского Собора 1593 года, которым утверждено Патриаршество в России. — ТКДА, 1865, т. 3, с. 237—248. Текст Деяния обнаружен и переписан в 1850 году в библиотеке Синайского монастыря архимандритом Порфирием Успенским († 1885). В собрании рукописей Синодальной (Патриаршей) библиотеки хранится текст Деяния Собора 1593 г., присланный в Россию восточными патриархами. В нашем распоряжении находится фотокопия этого документа — «Акт подлинный Константинопольского Собора 7100 (1593) февраля 12 об учреждении в России Патриаршества» (ОР ГИМ, Син. № 339 (198/СХСIX), 1593 г., 16 л.).

⁷⁰ Вместе с грамотой Патриарх Мелетий послал Святителю Иову от себя посох и письмо, в котором писал: «Да имеет твой высочайший Патриарший Престол в дар от нас этот посох, который имел доселе у нас великую цену, впрочем не дороговизною вещества своего, а почтенною древностию... Это посох преблаженного Иоакима Александрийского, который патриаршествовал 79 лет, живши сто лет, и который, испив яд, остался, по благодати Христовой, невредим» (*Макарий, митрополит.* Цит. соч., с. 49).

⁷¹ Патриарх в сущности остался тем же, чем был Митрополит всяя Руси. Ему, как и прежде Митрополиту, принадлежало право верховного духовного суда в Церкви, но по-прежнему ограниченного соборным органом. Некоторые изменения касались внешней стороны патриаршего чина богослужения: «Амвон, на котором облачался Патриарх при богослужении, был возвышен на 12 ступеней (у Митрополита 8); на них по сторонам стояли 12 огненных (у Митрополита также 8). Одежды Патриарха при богослужении были: саккос с приперником, усыпанным жемчугом, омофор, митра с короною и крестом наверху, панагия и крест на персях, стихарь с гамматами, пояс, поручи, епитрахиль, епигонатий. Мантия его в большие праздники была бархатная зеленая или багряная, с источниками золотыми и серебряными; на ней скрижали с образом Благовещения или с крестами и Херувимами, а внизу со звонцами; клубок белый, с крестом наверху, с изображениями чудотворцев по концам. В выходах перед Патриархом несли свечу». — Прибавление к изданию творений святых отцов. Ч. 18. М., 1859, с. 335—336.

⁷² *Макарий, митрополит.* Цит. соч., с. 59.

⁷³ Там же, с. 60.

⁷⁴ Там же, с. 61. Некоторые исследователи указывают другую дату Собора — 1594 г. (см.: *Соколов Н.* Цит. соч., с. 27; Православный собеседник, 1867, ч. 3, с. 83).

⁷⁵ *Макарий, митрополит.* Цит. соч., т. 10, с. 63. У Н. Соколова сказано, что было пять протопопов, следивших за старостами (цит. соч., с. 27).

⁷⁶ Например, в записке царя Иоанна IV Стоглавому Собору говорилось о монахах, которые постригались для телесного покоя и вели нетрезвую жизнь, о том, что некоторые архимандриты и игумены службы Божией не знали, принимали в своих кельях гостей, а «бедные братья алчут и жаждут»; о том, что монахи и монахини по миру бродили, монахи в мирских церквях «в полах живут», а священники во время богослужения «дозволяют безчинства, соблазнительные для народа» (Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1980).

⁷⁷ *Макарий, митрополит.* Цит. соч., т. 10, с. 63; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. Т. II. СПб., 1832, № 223.

⁷⁸ Там же, с. 64.

⁷⁹ См. об этом: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II. СПб., 1844, примеч. 125; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 13а. СПб., 1894, с. 722—723.

⁸⁰ «По вниманию к дарованиям и познаниям, какими отличался молодой монах Григорий Отрепьев, Иов взял его к себе и оставил при себе «для книжного дела» (*Соколов Н.* Цит. соч., с. 32).

⁸¹ Один из иностранцев, живших в то времена в России, писал о русских, проводивших некоторое время за границей и познавших там «истинную религию», по возвращении на родину смеялись над невежеством москвитян (Сказание современников о Димитрии самозванце. Ч. 3. СПб., 1832, с. 21 (Маржерет). Н. М. Карамзин в «Истории» повествует о тех молодых людях, которые были посланы за рубеж учиться и не вернулись в свое отечество (*Карамзин Н. М.* Цит. соч., т. II, примеч. 120).

⁸² В книге польского иезуита Петра Скарги «О единстве церкви Божией», вышедшей в Варшаве во времена Патриарха Иова (1590), со всей определенностью высказана мысль о том, что за границей необходимо создать русские школы, а в Россию надо послать ученых, «которые показали бы им заблуждение веры» (*Пассевино А.* Исторические сочинения о России XVI века. М., 1883, с. 273).

⁸³ Напомним, что в 1596 г. значительная часть православного населения этого региона на долгие годы была отторгнута от Русской Церкви в результате так называемой Брестской унии. «Православие в Речи Посполитой фактически оказалось вне закона. Все права, издавна принадлежавшие Православной Церкви, предавались отступникам; для православных клира и мирян в королевско-магнатской Польше настало время исповедничества, тяжелого общественного и национально-религиозного угнетения» (Львовский Церковный Собор. Документы и материалы (1946—1981). М.: Изд. Моск. Патриархии, 1982, с. 19).

⁸⁴ Сказание современников о Димитрии самозванце. 3-е изд., ч. I. СПб., 1859, с. 12.

⁸⁵ Апостол. М., 1564, л. 260.

⁸⁶ Исследователи русских старопечатных книг отмечают, что наряду с увеличением числа изданных книг последовало значительное улучшение художественного оформления изданий в период патриаршества Святителя Иова (*Зёрнова А. С.* Орнамента книги московской печати XVI—XVII веков. М., 1952, с. 15).

⁸⁷ *Строев П. М.* Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке Ивана Никитича Царского. М., 1836, с. 22.

⁸⁸ Триодь Цветная. М., 1591, л. 246; *Словцов Н., священник.* Книжные исправления Святейших Патриархов и разрешение вопроса о соборных клятвах. 1-е изд. Новгород, 1902, с. 32—33.

⁸⁹ Триодь Цветная. М., 1591, л. 247.

⁹⁰ *Строев П. М.* Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке Федора Андреевича Толстого. М., 1829, с. 93.

⁹¹ Триодь Цветная. М., 1604, л. 368; *Словцов Н.* Цит. соч., с. 34.

⁹² Один из экземпляров этого издания экспонировался на церковно-археологической выставке в начале текущего столетия. Этим Служебником, принадлежавшим Святейшему Патриарху Иову и хранившимся в Патриаршей (Синодальной) библиотеке, пользовались впоследствии и другие русские Патриархи (Указатель церковно-исторической выставки в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых. М., 1913, с. 18, № 94).

⁹³ *Соколов Н.* Цит. соч., с. 38.

⁹⁴ Там же, с. 39.

⁹⁵ В «Служебнике» 1655 г., исправленном при Патриархе Никоне, на проскомидии полагось уже пять просфор.

⁹⁶ *Соколов Н.* Цит. соч., с. 40—41.

⁹⁷ *Шабатин И. Н.* Первый Патриарх Московский и всея Руси Иов. — ЖМП, 1957, № 5, с. 68.

⁹⁸ Православный собеседник, 1867, ч. 3, с. 86. В рукописном собрании библиотеки Чудова монастыря хранятся составленные при Патриархе Иове Четьи Минеи в двенадцати книгах (см.: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980, №№ 307—317, с. 177—186).

⁹⁹ *Макарий, митрополит.* Цит. соч., т. 10, с. 65.

¹⁰⁰ «В приписи № 284 Лаврской библиотеки, л. 368, сказано: „Поставлена церковь первая святителей — Петра, Алексея и Ионы во имя их в приделе Николы Чудотворца в Патриаршем селе Никольском, зовомом Селятино. А ту церковь поставил Иов Патриарх Московский, и освящена бсть 7104 года мая 13 дня“» (*Боголюбский М. С.*, протоиерей. Московская иерархия. Патриархия. М., 1895, с. 4).

¹⁰¹ *Платон (Любарский), архимандрит.* Сборник древностей Казанской епархии. Казань, 1868, с. 29—32.

¹⁰² *Филарет (Гумилевский), архиепископ.* Обзор русской духовной литературы (862—1863). 3-е изд. СПб., 1884, с. 221.

¹⁰³ *Соколов Н.* Цит. соч., с. 56.

¹⁰⁴ *Макарий, митрополит.* Цит. соч., т. 10, с. 66.

¹⁰⁵ *Никитин В. А.* Великий игумен Соловецкого монастыря. К 475-летию со дня рождения святителя Московского Филиппа. — ЖМП, 1983, № 5, с. 20.

¹⁰⁶ *Платон (Любарский), архимандрит.* Цит. соч., с. 66—75.

¹⁰⁷ *Макарий, митрополит*. Цит. соч., т. 10, с. 227.

¹⁰⁸ Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. 2-е изд. М., 1788, с. 123. После смерти святителя Иова осталось в его кельях только 15 рублей денег, да несколько икон, немного одежды и «домашней рухляди» (*Макарий, митрополит*. Цит. соч., с. 98, примеч. 66). Описание имущества, оставленного после кончины Патриарха Иова, см.: *Димитрий (Самбикин), архиепископ*. Месяцеслов русских святых. Июнь. Тверь, 1901, с. 153.

¹⁰⁹ Перечень храмов, построенных в эти годы: в честь Вознесения Господня (на Никитской улице); во имя преподобного Саввы Освященного (на Девичьем поле); во имя святых мучеников Космы и Дамиана (в Старых Кузнецях, на Гончарной ул.); в честь Донской иконы Божией Матери (собор Донского монастыря); во имя Всемилостивого Спаса (над западными воротами Симонова монастыря); во имя великомученика Никиты (за Яузой, на Швивой горе); в честь Гребневской иконы Божией Матери (на Лубянской площади); во имя Святителя Николая (в Сретенском монастыре); во имя великомученика Димитрия Солунского (в Никитинском монастыре), во имя святителя Амвросия Медиоланского (Ново-Девичий монастырь, до 1770 — храм Иоанна Предтечи); в честь Воскресения Христова (на Крутицках); в честь Знамения Божией Матери (на Знаменке); во имя преподобного Иоанна Лествичника (колокольня Ивана Великого в Кремле) (Краткий указатель московских церквей. М., 1914, с. 4—5).

¹¹⁰ ПСРЛ, т. 14. СПб., 1910, с. 13.

¹¹¹ Акты Археографической экспедиции. Т. 2. СПб., 1832, № 11.

¹¹² *Макарий, митрополит*. Цит. соч., т. 10, с. 212—213; *Соколов Н.* Цит. соч., с. 57.

¹¹³ Древняя российская вивлиофика, ч. 6, с. 114.

¹¹⁴ История..., с. 6.

¹¹⁵ Там же, с. 7.

¹¹⁶ *Макарий, митрополит*. Цит. соч., т. 10, с. 80—82; *Соколов Н.* Цит. соч., с. 327—352; *Клейн В. К.* Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия. Ч. 1—2. Дипломатическое исследование подлинника. М., 1913; *Шпаков А. Я.* Государство и Церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Одесса, 1912, с. 56—104; *Шабатин И. Н.* Цит. ст. — ЖМП, 1957, № 5, с. 68—69; *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963, с. 226—227.

¹¹⁷ *Шербаков М. М.* История Российская. Т. 12, с. 260—261.

¹¹⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (АИ). Т. 1. СПб., 1841, № 227.

¹¹⁹ *Соколов Н.* Цит. соч., с. 41.

¹²⁰ *Шербаков М. М.* Цит. соч., с. 262.

¹²¹ АИ, № 227.

¹²² *Макарий, митрополит*. Цит. соч., с. 71—72.

¹²³ Христианское чтение, 1869, ч. 2, с. 867—893.

¹²⁴ *Макарий, митрополит*. Цит. соч., с. 72.

¹²⁵ *Соколов Н.* Цит. соч., с. 43.

¹²⁶ *Шабатин И. Н.* Цит. ст., с. 67.

¹²⁷ В воскресенье 2 октября 1552 г. рано утром в походной церкви царя Иоанна Грозного под Казанью во время обедни, когда диакон окончил чтение Евангелия словами: «...и будет едино стадо и един Пастырь», раздался оглушительный гром и земля Казанская дрогнула. Прошло еще немного времени, и после слов диакона: «...покорити под нозе его всякаго врага и супостата» последовал второй удар. Эти два взрыва возвестили о падении Казанского царства. Столица была в руках русских (*Покровский И.* Русские епархии в XVI—XIX веках, их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 1. Казань, 1897, с. 126).

¹²⁸ Архиепископ Гурий прибыл в завоеванную Казань с будущими сподвижниками Германом и Варсонофием. Он привез с собой, кроме духовенства, строителей храмов, огромное количество церковной утвари, икон. Высокий служебный пост требовал от архиепископа необыкновенной осмотрительности в деле просвещения казанских народов светом евангельского учения. Крестил он только по желанию, предварительно преподавая новопросвещенным истины христианства и Евангелия, снабжал пищей, разговаривал с ними кротко, тихо, с умилением. Преосвященному Гурию поручался даже высший надзор над казанскими и свияжскими воеводами, детьми боярскими и другими людьми в делах религии и Церкви (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. Т. 1. СПб., 1832, № 241).

¹²⁹ Там же, № 358.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ *Покровский И.* Цит. соч., с. 136.

¹³² *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и XVIII веках. Одесса, 1882, с. 82—83.

¹³³ *Покровский И.* Цит. соч., с. 137.

¹³⁴ *Строев П. М.* Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке

И. Н. Царского. М., 1836, с. 26.

¹³⁵ Соколов Н. Цит. соч., с. 53.

¹³⁶ Платон (Любарский), архимандрит. Цит. соч., с. 30—32.

¹³⁷ В 1568 г. в Астрахань для устройства монастыря и постройки церквей из Москвы был послан игумен Кирилл. Через пять лет в астраханском кремле были воздвигнуты Троицкий монастырь и две церкви: во имя Святителю Николая Чудотворца и Введенская (ЖМНП, 1842, т. 34, ч. 12, с. 7). На рисунке А. Олеария, изображающем Астрахань начала XVII в., указано около 15 храмов (Нихитин В. П. Астрахань и ее окрестности. М., 1981, с. 12—13).

¹³⁸ Покровский И. Цит. соч., с. 148.

¹³⁹ Словоцов П. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. М., 1838, с. 58.

¹⁴⁰ Православное обозрение, 1856, август, с. 399.

¹⁴¹ Покровский И. Цит. соч., с. 509—510; Макарий, митрополит. Цит. соч., с. 75.

¹⁴² Покровский И. Там же; Соколов Н. Цит. соч., с. 45.

¹⁴³ Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. СПб., 1750, кн. 1, с. 359.

¹⁴⁴ Соколов Н. Цит. соч., с. 45—46.

¹⁴⁵ Макарий, митрополит. Цит. соч., с. 77.

¹⁴⁶ Соколов Н. Цит. соч., с. 48.

¹⁴⁷ Там же, с. 49.

¹⁴⁸ Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1980, с. 86—87.

¹⁴⁹ Во время осады Нарвы, когда царь Феодор спал в своем шатре, ему во сне явился преподобный Трифон Печенгский (1495—1583) — просветитель северных народов, населявших Карельский полуостров, строитель многих церквей в этих землях и основатель Печенгского монастыря, незадолго до этого уничтоженного шведами. Преподобный приказал Феодору: «Встань, государь, и выйди из шатра, иначе будешь убит!» Едва царь покинул шатер, пушечное ядро упало прямо на его ложе (Корольков Н. Сказание о преподобном Трифоне, Печенгском чудотворце, просветителе лопарей, и об основанной им обители. 5-е изд. СПб., 1910, с. 17). После этого случая царь Феодор стал покровительствовать монастырю и велел для безопасности перевести его в Колу.

¹⁵⁰ ПСРЛ, т. 14, с. 8.

¹⁵¹ Соколов Н. Цит. соч., с. 53.

¹⁵² ПСРЛ, т. 14, с. 10.

¹⁵³ Митрополит Макарий указывает другую дату учреждения Карельской епархии — 1598 г. (Макарий, митрополит. Цит. соч., с. 78).

¹⁵⁴ Валаамский монастырь и его подвижники. Изд. 3. СПб., 1903, с. 32.

¹⁵⁵ Покровский И. Цит. соч., с. 64.

¹⁵⁶ Новгородские летописи свидетельствуют, что шведы в северной России «разориша вся святая места, и монастыри, и церкви, и вся сосуды золотые и серебряные, и кузнь, и раки святых поимаша» и что от начала Новгорода не было такого разорения. В тех же источниках постоянно встречаются при описаниях монастырей и церквей такие слова: «на посаде монастырь разорен до основания, игумена и старцев нет ни одного человека, церковь ветха, стоит без пения» и т. п. (Макарий, митрополит. Цит. соч., с. 217—218).

¹⁵⁷ Покровский И. Цит. соч., с. 87—89.

¹⁵⁸ По свидетельству современников, голодная смерть косила людей по всей стране. Только в Москве было похоронено на братских кладбищах более 120 тыс. человек. Современники считали, что в эти годы от голода вымерла треть Московского царства. (Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. 5-е изд. СПб., 1907, с. 592—594; Иов, Патриарх Московский. — Православный собеседник, 1867, ч. 3, с. 88—89; Сказания Авраамия Палицына. М.—Л., 1955. Гл. «О начале беды во всей России» и «О зачале разбойничества и ворах во всей России»).

¹⁵⁹ Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983, с. 153.

¹⁶⁰ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1908, с. 28—30; Русский архив, 1910, № 11, с. 41.

¹⁶¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук (ААЭ). СПб., 1832, т. 2, № 23.

¹⁶² ААЭ, т. 2, № 64.

¹⁶³ История... с. 8.

¹⁶⁴ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (ДАИ). Т. 1. СПб., 1846, № 151.

¹⁶⁵ ААЭ, т. 2, № 64.

¹⁶⁶ Скрынников Р. Г. Цит. соч., с. 173.

¹⁶⁷ Костомаров Н. Цит. соч., с. 604.

¹⁶⁸ Скрынников Р. Г. Цит. соч., с. 170.

¹⁶⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. СПб., 1824, примеч. 213; Костомаров Н. Цит. соч., с. 606.

- ¹⁷⁰ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1883, с. 15; *Пирлинг П.* Из смутного времени. Бареццо Барецци или Поссевино? СПб., 1902.
- ¹⁷¹ ДАА, т. 1, № 151.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ Вот что писал Борис в Вену по поводу беглого монаха: «Юшка Отрепьев... был в холопах у дворянина нашего, у Михаила Романова, и, будучи у него, учал воровать, и Михайло за его воровство велел его збити з двора, и тот страдник учал пуше прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертныя казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а назвали его в чернецах Григорием» (*Скрынников Р. Г.* Цит. соч., с. 156).
- ¹⁷⁴ *Костомаров Н.* Указ. соч., с. 607; Православный собеседник, с. 90.
- ¹⁷⁵ ААЭ, т. 2, № 26.
- ¹⁷⁶ Патриарх Иов, желая образумить мятежников, послал в Путивль трех монахов убеждать народ оставить самозванца. Монахи были схвачены приверженцами Лжедмитрия и подверглись жестокой пытке. Двое из них вытерпели и остались верными законному государю, третий, дряхлый старик, уступил изменникам (Православный собеседник, с. 92).
- ¹⁷⁷ *Соколов Н.* Цит. соч., с. 356; *Костомаров Н.* Цит. соч., с. 607.
- ¹⁷⁸ ААЭ, т. 2, № 67.
- ¹⁷⁹ *Соколов Н.* Цит. соч., с. 357.
- ¹⁸⁰ ААЭ, т. 2, № 28.
- ¹⁸¹ «Сказания Авраамия Палицына», гл. «О розстриге Григорин».
- ¹⁸² История о первом Патриархе... с. 9.
- ¹⁸³ В своем послании к Лжедмитрию новый папа Павел V, сменивший к 1605 г. Климента VIII, величал самозванца государем всей России, напоминал ему о его общении распространить католичество в России; говорил, что ничем столько он не может возблагодарить Бога за все оказанные ему благодеяния, как если просветить русских, сидящих во тьме и сени смертной; хвалил его за то, что он уже собрал вокруг себя иезуитов и обещал прислать ему и другим, если пожелает, даже епископов (*Макарий, митрополит.* Цит. соч., с. 103).
- ¹⁸⁴ Там же, с. 104.
- ¹⁸⁵ ААЭ, т. 2, № 26.
- ¹⁸⁶ ЧОИДР, 1847, кн. 9, с. 17; 1848, кн. 7, с. 65—66; Православный собеседник, с. 92.
- ¹⁸⁷ *Костомаров Н.* Цит. соч., с. 608, с. 597.
- ¹⁸⁸ *Макарий, митрополит.* Цит. соч., т. 10, с. 91; *Соколов Н.* Цит. соч., с. 359.
- ¹⁸⁹ ААЭ, т. 2, № 34.
- ¹⁹⁰ Цит. по: Православный собеседник, с. 97.
- ¹⁹¹ *Макарий, митрополит.* Цит. соч., т. 10, с. 92.
- ¹⁹² ПСРЛ, т. 14, с. 65.
- ¹⁹³ История о первом Патриархе... с. 10—11.
- ¹⁹⁴ Там же, с. 11.
- ¹⁹⁵ *Карамзин Н. М.* Цит. соч., примеч. 378; *Макарий, митрополит.* Цит. соч., с. 107.
- ¹⁹⁶ История о первом Патриархе... с. 12.
- ¹⁹⁷ *Соколов Н.* Цит. соч., с. 366.
- ¹⁹⁸ Православный собеседник, с. 101.
- ¹⁹⁹ *Соколов Н.* Цит. соч., с. 367—368.
- ²⁰⁰ ААЭ, т. 2, № 67.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ *Соловьев С.* История России с древнейших времен. Т. 8. М., 1963, с. 183.
- ²⁰⁴ Православный собеседник, с. 105—106; *Соколов Н.* Цит. соч., с. 370.
- ²⁰⁵ *Макарий, митрополит.* Цит. соч., с. 135.
- ²⁰⁶ История о первом Патриархе... с. 12.
- ²⁰⁷ *Скворцов Д.* Дионисий Зобниковский, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря. Историческое исследование. Тверь, 1890, с. 49—50.
- ²⁰⁸ Там же, с. 54.
- ²⁰⁹ Там же.
- ²¹⁰ Там же, с. 176—187.
- ²¹¹ История о первом Патриархе... с. 13.
- ²¹² Там же.
- ²¹³ *Димитрий (Самбикин), архиепископ.* Цит. соч., с. 152—153.
- ²¹⁴ Там же.
- ²¹⁵ История... с. 4.
- ²¹⁶ Там же.
- ²¹⁷ Там же, с. 7.
- ²¹⁸ Этот уникальный памятник до сих пор не находился в поле зрения церковных исследователей. Он одинаково представляет несомненный интерес как для историков, так и для литург-

гистов. Особенность Синодика состоит в том, что он создавался по аналогии с каноном мясопустной субботы, о чем, как правило, извещается в предисловии. Списки Синодика нами обнаружены в нескольких отделах рукописей государственных библиотек. В распоряжении автора имеется список с рукописи, хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (шифр: Собр. Тихонова, фонд 777, № 557 (381), л. 121—153). Укажем другие списки Синодика:

а) Отдел рукописей Государственного Исторического музея в Москве, собр. Успенского, № 80370;

б) там же, № 65/1061, п/у — скоропись, XVII в.;

в) там же, собр. Синодальной (Патриаршей) библиотеки (Новоспаское собрание), № 9, 1667—1672 гг., 196 л.;

г) Центральный государственный исторический архив г. Ленинграда, фонд 834, опись 2, № 1438, полуустав, XVIII в., л. 35 об.-57;

д) там же, фонд 834, опись 3, № 3617, полуустав, XVIII в., л. 69—101 об.

Последняя рукопись замечательна тем, что содержит точную дату, когда было получено благословение Патриарха Иова на составление Синодика: «В лета от создания мира 7105-го», т. е. в 1597 году.

²¹⁹ Отд. изд.: Служба преподобному отцу нашему Иосифу, игумену Волоцкому, новому чудотворцу. М., 1915. 19 л.

²²⁰ Отметим, например, последнее издание: Миняя Сентябрь. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1978.

²²¹ Текст послания издан Н. Барсовым в 1869 г. по рукописи Софийской библиотеки № 1475 (ныне отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина). — Христианское чтение, 1869, ч. 2, с. 858—893.

²²² Платонов С. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века. М., 1913, с. 105.

²²³ ПСРЛ, т. 14, с. 4.

²²⁴ Литературное наследие Патриарха Иова настолько обширно, что вполне заслуживает отдельного исследовательского анализа.

²²⁵ Соколов П. Цит. соч., с. 374.

²²⁶ Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. 2-е изд. М., 1788, с. 122.

²²⁷ В Патриаршей ризнице хранилась панагия, подаренная Константинопольским Патриархом Святителю Иову (см.: *Игумен Платон*. На Святом Афоне. — ЖМП, 1984, № 3, с. 17).

В Успенском монастыре в г. Старице хранился саккос Патриарха Иова (Тверские епархиальные ведомости, 1898, № 3, с. 87). В Патриаршей ризнице значились еще следующие вещи: «*Панагия* первого Патриарха Иова. В середине ее оникс, на котором вырезано Распятие Господа, а с задней стороны вырезан четвероконечный крест, представляющий совершенное сходство с одним из древних крестов, т. н. Корсунских, которые находятся в Успенском соборе; *шалка* (митра) Иова Патриарха. Такая форма митр употребляема была древними Всероссийскими Митрополитами и Новгородскими епископами! *омофор* Патриарха Иова из струйчатой обьари. На нем вышиты шелками Страсти Христовы и образ Спасов» (*Иосиф (Лавицкий)*, *архимандрит*. О Всероссийских Патриархах и Патриаршей ризнице. М., 1876, с. 16—18).

В экспозиции Церковноархеологического кабинета Московской Духовной Академии хранится серебряная панагия Святейшего Патриарха Иова с изображением Пресвятой Богородицы Одигитрии. Панагия передана в собрание ЦАК Святейшим Патриархом Алексием († 1970).

²²⁸ Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. 2-е изд. М., 1788, с. 20.

²²⁹ История... с. 13.

²³⁰ Соколов П. Цит. соч., с. 371.

²³¹ История... с. 16.

²³² Тверские епархиальные ведомости, 1907, № 13, с. 402.

²³³ К мошам был подведен посадский человек Иван Александров, одержимый душевным недугом, «и начаша плакати родители его у гроба святого и тогда прикосновением святого исцеление получивше, и отидоша в дом свой, радуяся, славяще и благодаря Бога и Пречистую Его Богоматерь и угодника Его, святого Иова Патриарха». — История... с. 17.

²³⁴ Там же, с. 18.

²³⁵ Тверские епархиальные ведомости, 1907, № 13, с. 403; *Димитрий (Самбкин)*, *архиепископ*. Тверской Патерик. Краткие сведения о Тверских местночтимых святых. Казань, 1907, с. 46.

²³⁶ В 13 верстах от Старицы в с. Ильинском исцелилась больная девица Улита Харитоновна. «И о том бывшем чудеси удивившася мнози окрестных стран людие». В другом селе — Лавышине от мошей получила исцеление Агриппина Тарасова. И, наконец, по принесении мошей в Москву исцелился в Успенском соборе глухой крестьянин Исаакий (История... с. 18—20).

²³⁷ На гробнице Патриарха Иова текст, написанный славянской вязью, гласит: «Иов,

первый Патриарх Московский и всяя России, из митрополитов Московских, возведен на Патриаршество при царе Феодоре Иоанновиче в лето 1589. За ревность к Православной Церкви, за верность к престолу царскому и за любовь к Отечеству от Лжедмитрия Гришки Отрепьева лишен Патриаршества, сана святительского и оставлен, будучи токмо монашествующим, послан в заточение в град Старицу, в обитель Пресвятыя Богородицы в лето 1605. В сем заточении скончался в лето 1607 (июня 19), патриаршествовал 16 лет. По указу царя Алексея Михайловича тело его принесено из той обители в Москву при Патриархе Никоне в лето 1652-е» (*Григорий Истомин, священник. Указатель святынь и достопримечательностей московского Большого Успенского собора.* 5-е изд. М., 1910, с. 41).

²³⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук. Т. 4, СПб., 1856, № 57.

²³⁹ *Димитрий (Самбикин), архиепископ.* Тверской Патерик, с. 42—43.

²⁴⁰ *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Святая Русь. СПб., 1891. № 510, с. 128—129.

²⁴¹ *Барсуков Н.* Источники русской агнографии. СПб., 1882, стлб. 262—263.

²⁴² *Димитрий (Самбикин), архиепископ.* Месяцеслов русских святых... с. 150—153.

²⁴³ *Толстой М. В.* Книга, глаголемая описание о Российских святых. М., 1887, № 169,

с. 59. ²⁴⁴ *Сергий (Спасский), архиепископ.* Полный месяцеслов Православного Востока. Т. 2. 2-е изд. Владимир, 1901, с. 64.

²⁴⁵ Тверские епархиальные ведомости, 1899, № 1, с. 7—10.

²⁴⁶ Там же, 1899, № 15, с. 392.

²⁴⁷ *Арсений, архимандрит.* Описание Успенского Старицкого монастыря. Тверь, 1895,

с. 17. ²⁴⁸ *Димитрий (Самбикин), архиепископ.* Тверской Патерик, с. 46—47.

²⁴⁹ Там же, с. 45. О существовании древних изображений святителя Иова, носивших иконографический характер, находим неоднократное упоминание в изд.: Тверские епархиальные ведомости, 1907, № 14, с. 457. Лик святителя Иова в числе других русских Патриархов изображен в алтаре Преображенского собора Новоспасского монастыря. (*Дмитриев И. Д.* Московский первоклассный Новоспасский ставропигиальный монастырь. М., 1909, с. 33).

²⁵⁰ Тверские епархиальные ведомости, 1907, № 14, с. 454—457.

²⁵¹ Первое празднование Собору Тверских святых. — ЖМП, 1979, № 11, с. 15.

²⁵² Послание Святейшего Патриарха Пимена архиепископу Калининскому и Кашинскому Алексию 15 июля 1979 г. (ЖМП, 1979, № 9, с. 4). Празднование памяти Собора Тверских святых включено в Месяцеслов Русской Церкви (см.: Православный церковный календарь на 1984 год. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1984, с. 27).

²⁵³ *Феофилакт, иеромонах.* Святейший Патриарх Иов и его первосвятительская деятельность. Курс. соч. Загорск: МДА, 1984. Машинопись.

²⁵⁴ Миняя Июнь. Часть 2. М.: Изд. Московской Патриархии, 1986, с. 94—97.